

ПЕРЕПИСКА А. А. НЕВЕРОВСКАГО

Краткая біографія А. А. Неверовскаго *).

Александръ Андреевичъ Неверовскій (или, какъ пишутъ нѣкоторые члены этой семьи,—Невѣровскіа) уроженецъ Черниговской губерніи, (гнѣздо всѣхъ Неверовскихъ) былъ родной племянникъ героя двѣнадцатаго года, отличался обширнымъ умомъ, разностороннимъ образованіемъ, неподкупною честностью и рѣдкимъ административнымъ талантомъ. Родился въ 1815 г., воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и вышелъ въ л.-гв. литовскій полкъ. Отецъ его, бывший одно время Киевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и владѣльцемъ многихъ домовъ въ Киевѣ, лишился большей части своего имущества, вслѣдствіе страшнаго пожара, уничтожившаго часть города въ концѣ двадцатыхъ или тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Вскорѣ послѣ этого онъ скончался, оставивъ послѣ себя вдову, тринадцать душъ дѣтей при небольшомъ состояніи; такъ что Александру Андреевичу пришлось заботиться не только о себѣ, но отчасти и о семьѣ своей. Въ 1839 г. кончилъ онъ Академію Генеральнаго штаба, въ 47 году перешелъ въ министерство Государственныхъ имуществъ, въ 49 г. ревизовалъ межевыя работы во всѣхъ восточныхъ губерніяхъ Россіи и въ 54—57 гг. служилъ на Кавказѣ. Былъ сначала начальникомъ штаба въ Прибалтійскомъ краѣ, во время войны съ турками перешелъ въ Александрополь начальникомъ штаба дѣйствующаго корпуса подъ командою князя Бебутова въ азіатской Турціи и за блестяще одержанную побѣду при Кюрюкь-Дарѣ, произведенъ въ генераль-майоры. Въ той же должности принималъ участіе при штурмѣ и сдачѣ Карса въ 1855 г., по вслѣдствіе расшатаннаго непереносимаго климатъ Кавказа здоровья, долженъ былъ по совѣту врачей избрать болѣе сѣверное мѣсто пребы-

*) Составлена дочерью А. А. баронессой Клейст.

ванія и вернулся въ Петербургъ, гдѣ и занялъ должность директора лѣснаго департамента, въ коей и пребывалъ до начала 64 года. Но быстро развивающаяся болѣзнь сердца заставила его подать въ отставку и по совѣту врача Боткина отправиться весною 1864 г. за границу для излѣченія неизлѣчимой болѣзни; скончался въ Швейцаріи въ городѣ Лозаннѣ, гдѣ и похороненъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ до кончины своей, Александръ Андреевичъ былъ назначенъ членомъ министерства государственныхъ имуществъ, въ должности директора лѣснаго департамента, былъ произведенъ въ генералъ лейтенанты и за приведеніе въ блестящій порядокъ дѣлъ по лѣсному вѣдомству и сбереженіе большой суммы денегъ умѣніемъ управлять и сокращать лишнія траты, награжденъ тремя тысячами десятинъ въ Самарской губерніи.

Александръ Андреевичъ былъ женатъ на родной племянницѣ министра финансовъ графа Канкринна, по первому мужу Стрижевской и урожденной баронессѣ Шлюттеръ и съ этой рѣдко умной, сердечной женщиною, прожилъ девятнадцать лѣтъ необыкновенно счастливаго супружества и въ домѣ ихъ царилъ совершенно патріархальный образъ жизни. Но не только жена и дѣти боготворили и глубоко уважали его; всѣ товарищи, сослуживцы, даже подчиненные раздѣляли эти чувства и горячо, искренно оплакивали смерть Неверовскаго, скончавшагося на 49 году жизни. Александръ Андреевичъ прекрасно владѣлъ перомъ, сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ журналахъ, преимущественно въ Военномъ Сборникѣ и между прочимъ издалъ: *Краткій взглядъ на Дагестанъ*, отдѣльной книгой въ 1847 г. и посвященной женѣ. Книги этой въ продажѣ не найти, развѣ только у букинистовъ.

Письма А. А. Неверовскаго къ женѣ его.

4-го Іюня 1849. Варшава.

Изъ предыдущаго моего письма милая и дорогая моя Машенька, ты уже знаешь, что меня въ Вѣну, куда Циммерманъ отправился одинъ, не посылають, а я прикомандированъ на все время пребыванія Государя въ Варшавѣ къ графу Адлербергу, и можетъ быть позже, послѣ отъѣзда Его Величества, меня пошлютъ въ Вѣну. Работы будетъ много, но ты знаешь, что я ее не боюсь; напротивъ,—и, можетъ быть, что и на мою долю выпадеть счастье быть представленнымъ Государю.

Какъ я уже тебѣ писалъ, путешествіе мое вышло не особенно удачно, въ виду поломки тарантаса; пришлось ѣхать на перекладныхъ, что не было особенно пріятно и кромѣ того, мой человѣкъ такой нерасторопный посоль, что растерялъ половину моихъ вещей, да кромѣ того, куря, поджогъ шинель и чуть не сгорѣлъ.—Ты спрашиваешь какое впечатлѣніе произвела на меня Варшава. Городъ совершенно европейскій, встрѣчаются прекрасныя зданія, очень изящныя особняки магнатовъ здѣшнихъ, въ народѣ ихъ называютъ палацами (palais). Лазенки, мѣстопребываніе Государя, прелестный дворецъ и паркъ, но улицы довольно узкія, большею частью извилистыя и, что меня страшно поражаетъ, это недостатокъ канализаціи. Все льютъ и выливаютъ на улицы, что дѣлаетъ порою проходъ очень затруднительнымъ.

Скучаю по тебѣ и дѣтямъ безмѣрно, но по словамъ Ливена придется здѣсь, кажется, долго сидѣть и, не бывши знакомъ со здѣшнимъ обществомъ, чувствую и испытываю большое одиночество и еще болѣе тянетъ въ Петербургъ,—къ тебѣ, къ дѣтишкамъ и въ наше уютное гнѣздышко. Кромѣ того я съ ничѣмъ не знакомъ, у поляковъ есть одна меня въ высшей степени отталкивающая черта характера: страшное подбострастіе къ вышеставленнымъ и непомѣрное высокоуміе къ подчиненнымъ.

Пишу такъ такъ обстоятельно и подробно, потому что въ отсутствіе Государя не такъ заваленъ дѣлами и могъ улучшить свободный часокъ поболтать съ тобою, мой единственный и вѣрный другъ.

Горячо, пламенно цѣлую тебя и дѣтей.

Весь твой

Александръ.

18-го Іюня 1849. Варшава.

Не могу тебѣ сказать, милая Машенька, до какой степени я утомленъ, усталъ—и только моя глубокая привязанность къ тебѣ и желаніе поболтать съ тобою, заставляютъ меня взять перо въ руки.—17 и 16 я работалъ сорокъ четыре часа, такъ что графъ Адлербергъ сжалился надо мною и послалъ меня отдыхать; но не прошло и трехъ часовъ какъ онъ опять послалъ за мною и пришлось проработать двѣнадцать часовъ подъ рядъ, столько накопилось официальныхъ бумагъ. Я занимаюсь то съ Ливенымъ, то съ Адлербергомъ, болѣе съ послѣднимъ и выпадаютъ иной разъ такія тяжелыя дни неотлагательной работы, что

приходится не покидать канцелярии тамъ же и обѣдать и пить чай. Въ твоёмъ послѣднемъ письмѣ ты жалуешься на брата моего Николая за невозвращеніе въ срокъ на службу? Не суди его слишкомъ строго, мой другъ, будь снисходительна къ нему, ежели онъ задержался въ Кіевѣ у маменьки, — вѣдь онъ се девятнадцать лѣтъ не видалъ, не мудрено, что ему трудно было разставаться со старушкой.

Но больше не въ силахъ писать.

Крѣпко обнимаю, цѣлую тебя и дѣтей

Весь твой

Александръ.

Даже рука терпитъ отъ многого писанія. Продолжай писать — Лазенки.

16 Августа 1849. Варшава.

Съ трудомъ я урвалъ время, мой добрый и милый другъ, чтобы побесѣдовать заочно съ тобою и отвѣтить на твои три послѣднія письма. — Надѣюсь, что ты меня извинишь за долгое молчаніе, происходящее единственно отъ множества занятій; я скажу прежде всего, что по прежнему люблю тебя страстно, а потомъ поговорю о первомъ нашемъ свиданіи, котораго мы взаимно съ нетерпѣніемъ ожидаемъ.

Увы! Варшава приковала насъ, кажется, къ себѣ еще недѣли на двѣ. — Сперва нашъ выѣздъ отсюда зависѣлъ отъ времени прибытія фельдмаршала, который долженъ пріѣхать въ Варшаву около 20-го числа, а теперь и отъ состоянія здоровья Великаго Князя Михаила Павловича. Его Высочество во время смотра войскъ 12-го Августа, имѣлъ сильный апоплексическій ударъ, отъ котораго у него отнялся языкъ и вся правая сторона. — Великою Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ сообщено уже объ этомъ несчастіи, но (нрзб.) она можетъ пріѣхать сюда съ острова Рюгена, гдѣ теперь находится, въ восемь дней, однако Государь полагаетъ возвратиться въ Петербургъ, не ранѣе какъ объяснитса положительно участь Великаго Князя. Несмотря на нѣкоторые благопріятные признаки, доктора до сихъ поръ не имѣютъ вѣрныхъ ручательствъ: во первыхъ, будетъ ли онъ жить, во вторыхъ — возвратятся ли его умственные способности и даръ слова, и наконецъ, въ треть-

ихъ—будетъ ли онъ владѣть правой рукою и правой ногою. До разъясненія этихъ обстоятельствъ уйдетъ много времени, потому что выздоровленіе въ подобныхъ случаяхъ идетъ весьма медленно.—

Государь неутѣшно плачетъ, и даже, можно сказать, рыдаетъ. Онъ очень часто говоритъ, что со смертью Михаила Павловича, потеряетъ единственнаго друга и товарища и единственнаго брата. Всѣ полагаютъ, что Государь не выѣдетъ изъ Варшавы ранѣе 1-го Сентября, а военнопехотная канцелярія семь дней спустя. Слѣдовательно я застану тебя въ городѣ, а не на дачѣ, а между тѣмъ, мнѣ такъ хотѣлось прожить нѣсколько дней въ Новой Деревнѣ, насладиться прогулками съ тобою, моя жизнь, и подышать чистымъ воздухомъ, на свободѣ, послѣ моего тяжелаго здѣсь заточенія. Но что дѣлать! Необходимо покориться обстоятельствамъ, и я тебя прошу душа моя, не увлекаться моимъ желаніемъ, т. е. не оставаться на дачѣ далѣе обыкновеннаго времени.

Бѣдный Ваня! ¹⁾ хотя я его, какъ тебѣ извѣстно, не очень жаловалъ за его разныя продѣлки, но неожиданную его смерть я оплакиваю искренно. Страхую за бѣдную маменьку ²⁾. Что будетъ съ нею, когда узнаетъ объ этомъ новомъ несчастіи постигшемъ наше семейство. Ты мнѣ говоришь объ ея предчувствіи; да, мой другъ, сердце материнское рѣдко ошибается въ подобныхъ горестныхъ случаяхъ! На ея послѣднее письмо не буду отвѣчать до тѣхъ поръ, пока не узнаю, что братъ Николай сообщилъ уже ей роковую вѣсть.—

Съ Ламбертомъ ³⁾ я встрѣтился въ Военно-Походной канцеляріи, просилъ непременно передать свой сердечный поклонъ а *sa chère et bonne cousine*. Валерьянъ ⁴⁾ же произведенъ въ полковники за храбрость и съ штабъ-офицерскими погонами онъ не такъ ужъ неуклюжъ.— Мы видѣли только одинъ разъ Лампорисвери. Онъ очень красивъ, довольно высокаго роста, весьма развязенъ и имѣетъ лѣтъ 45. Государь далъ ему только одну аудіенцію, послѣдствія которой намъ неизвѣстны.

¹⁾ Братъ Александра Андреевича, утонувшій при купаньи.

²⁾ Мать Ал. Анд. дожившая до глубокой старости, потерявъ мужа и двѣнадцать душъ дѣтей. Въ послѣднее время жила во Фроловскомъ женскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, гдѣ постриглась и похоронена подъ именемъ инокини Марыи.

³⁾ Графъ Ламбертъ, личный адъютантъ Государя, женатый на двоюродной сестрѣ А. А. Маріи Ивановнѣ Неверовской, графинѣ Ламбертъ, урожденной графини Канкриной, дочери министра графа Канкринна.

⁴⁾ Графъ Валерьянъ Канкринъ, двоюродный братъ Алекс. Андр. по женѣ.

Въ слѣдующемъ письмѣ надѣюсь написать тебѣ положительно о времени нашего отъѣзда, а теперь скажу тебѣ—до свиданья. Тяжела разлука съ тобою, моимъ лучшимъ другомъ и дѣтьми, дай Богъ, чтобы она была послѣднею и чтобы мы до конца жизни служили другъ другу утѣшеніемъ.

Весь твой

Александръ.

Великому князю сегодня гораздо лучше, но что очень беспокоить докторовъ, это его продолжительный сонъ.—Сейчасъ пріѣзжалъ курьеръ отъ Берга, который долженъ уже прибыть изъ Ареніи въ Вѣну. Этотъ курьеръ говоритъ, что онъ видѣлъ Сабира, получившаго Владимира съ бантомъ, въ совершенномъ здоровіи и благоденствіи.

24 августа, 1849. Варшава.

Съ тобою первою, какъ съ моимъ лучшимъ другомъ, спѣшу подѣлиться радостью:—я произведенъ сегодня въ полковники, а вмѣсто флигель-адъютанства, котораго я не желалъ, мнѣ дали двѣ тысячи рублей серебромъ.—Хотя младшіе мои товарищи меня и обогнали, и получили сверхъ чиновъ по одному русскому, и по одному австрійскому кресту, но я доволенъ и тѣмъ, что мнѣ дано, а знакомство мое съ Адлербергомъ и Орловымъ пригодится, можетъ быть, мнѣ на будущее время.—Что же касается представленія моего Государю, то этого нельзя было сдѣлать по весьма многимъ обстоятельствамъ, которыя я объясню тебѣ при свиданіи: кромѣ того Его Величество и безъ того знаетъ меня въ лицо и твердо помнитъ мою фамилію потому, что обо мнѣ многіе ему говорили.

Наше свиданіе, къ крайнему моему сожалѣнію, опять оттягивается. Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ тебѣ о несчастіи постигшемъ Великаго князя Михаила Павловича, писалъ также, что отъ состоянія здоровья Его Высочества зависитъ и время отправления Государя изъ Варшавы. Въ настоящее время наше положеніе немножко(?) объяснилось потому, что Великій Князь находится почти безъ надежды. Всѣ доктора говорятъ, что его можетъ спасти только одно чудо; наука же произнесла уже свой приговоръ, т. е., что онъ долженъ закрыть на дняхъ глаза на вѣки.

Хотя Вел. кн. Елена Павловна и прибыла сегодня съ острова Рюгена, однако ее до сихъ поръ не пускаютъ въ комнату больного, изъ опасенія, чтобы ея неожиданное появленіе не произвело на него гибельнаго вліянія.

Вмѣстѣ съ Вел. кн. Еленой Павловной пріѣхала и Екатерина Михайловна.—Она сильно кашляетъ и страдаетъ сильно спинною болью; при томъ нервы ея чрезвычайно разстроены.—Говорятъ, что одна наружность ее возбуждаетъ во всѣхъ величайшее участіе. И не мудрено. Она обожаетъ отца, который съ своей стороны души въ ней не слышалъ.

Назадъ тому дней пять я сильно заболѣлъ, но Адлербергъ далъ мнѣ какое то гомеопатическое средство, которое меня вылѣчило.—Все таки, надѣюсь,—до скорого свиданія, а пока крѣпко обнимаю и цѣлую тебя и дѣтей и остаюсь

весь твой

Александръ.

31 августа, 1849. Варшава.

Я получилъ твое милое письмо, моя неоцѣненная Машинька. Хотя оно заключаетъ въ себѣ сильный упрекъ за мое молчаніе, но гнѣвъ любящаго сердца, доказывающій искренность чувствъ, всегда производитъ пріятное впечатлѣніе въ любящемъ, но не раздраженіе. Я выѣзжаю изъ Варшавы на дняхъ; ты можешь ждаты меня между 9—10 сентября. Ранѣе этого мнѣ невозможно было уѣхать потому, что Государь, отправляясь въ Петербургъ, приказалъ графу Адлербергу остаться здѣсь до отправленія тѣла Вел. кн. Михаила Павловича, скончавшагося 23-го августа въ 2¹/₂ часа пополудни. Отправленіе это послѣдуетъ шестого сентября въ девять часовъ утра.

Вмѣстѣ съ Адлербергомъ остается вся канцелярія, а въ томъ числѣ и я, на котораго долю досталось дѣлать всѣ распоряженія по препровожденію тѣла покойнаго въ Петербургъ. Это самое обстоятельство и причину тому, что я не могу скорѣе прилетѣть къ тебѣ, мой добрый ангелъ.—

Въ предпоследнемъ письмѣ я увѣдомлялъ тебя о моемъ производствѣ и полученной денежной наградѣ. Прибывшій на дняхъ въ

Варшаву Циммерманъ, объявилъ мнѣ, что Бергъ приказалъ Ризенба... (нрзб.) помѣстить меня въ представленіе за успѣшныя занятія передъ отъѣздомъ Государя изъ Петербурга въ Маѣ мѣсяцѣ,—о которомъ ты очень хорошо помнишь. Другой награды мнѣ нельзя дать, какъ корону на Анну. Сегодня же я узналъ, что мнѣ хотятъ также дать Австрійскій Крестъ. Не знаю до какой степени это все справедливо; но не допуская чтобы судьба рѣшилась излить на меня столько милостей въ одинъ годъ, я сильно сомнѣваюсь въ успѣхѣ, и остаюся при данныхъ мнѣ уже наградахъ—весьма довольнымъ.—

До свиданія, милая и дорогая! Не посылай на это письмо сюда отвѣта, жди меня, а пока

весь твой

Александръ.

24 августа, 1852. Самара.

Пользуясь первымъ досугомъ, спѣшу исполнить данное мною тебѣ обѣщаніе, мой добрый другъ—писать тебѣ еще разъ изъ Самары, гдѣ я уже окончилъ свои дѣла и предпринялъ послѣднюю по Самарской губерніи, для совѣщанія съ управляющимъ(нрзб.) и командиромъ.—Вообще я долженъ сказать, что какъ въ этой губерніи, такъ и въ Саратовской, мнѣ пришлось и придется больше всего работать, потому что здѣсь дѣла наиболѣе запутаны. За то, съ окончаніемъ дѣлъ, я отдохну въ Тамбовѣ и Рязани, гдѣ менѣе работы, а главное изъ послѣдняго изъ этихъ городовъ, уѣзжаю свободнымъ человѣкомъ.

Что сказать тебѣ объ Уральскихъ горахъ? Я проѣзжалъ ихъ два раза, у Златоустовскаго Завода и недалеко отъ крѣпости Орской, и сколько горы у завода живописны, покрыты зеленью и пріятны для взора, настолько горы у Орской крѣпости бесплодны, безувѣтны и наводятъ грусть на путешественника. Вообще Уральскія горы уступаютъ Кавказскимъ; послѣднія во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаютъ предпочтеніе; тамъ ты найдешь и огромную производительность и вмѣстѣ съ тѣмъ природу, наводящую ужасъ своею дикою величественностію, внушающую глубокое уваженіе. Ты подумаешь, можетъ быть, что это сужденіе пристрастное. Нѣтъ! тебѣ всякій изъ насъ, бывший на Кавказѣ и видѣвшій Уральскія горы (которыми недоволенъ еще потому, что пролегающія тамъ обыкновенно дурныя дороги, разбитыя огромною массою переселенцевъ, движущихся въ Сибирь, испортили настоль-

ко мой тарантасъ, что пришлось его здѣсь чинить), скажутъ то же. Упомянутая о тарантасѣ, не могу не выразить моего удовольствія, — при моихъ огромныхъ поѣздкахъ, онъ мнѣ хорошо служить и съ прибытіемъ въ Саратовъ сдѣлаетъ уже восемь тысячъ верстъ. — Эта цифра показываетъ ясно, что при осмотрахъ(?) работъ маршруты составляютъ приблизительно!

Какъ бы мнѣ хотѣлось уже держать въ рукахъ твое письмо, адресованное въ Саратовъ. Но находясь въ 400 вер. отъ этого города, нечего помышлять о томъ. — Завтра же отправляюсь въ Покровскую слободу, гдѣ буду имѣть совѣщаніе съ Каляндеромъ и, такъ какъ эта слобода находится не далеко отъ Саратова, то пошлю туда нарочнаго за письмомъ. Ну до свиданія, милая и дорогая моя Машинька, крѣпко обнимаю, цѣлую тебя и дѣтей.

Твой другъ

Александръ.

9-го Сентября 1852. Саратовъ.

Благодарю тебя, мой добрый другъ, за оба письма отъ 15 Августа и 1-го Сентября; эти письма ждалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ и не получая извѣстія отъ тебя съ 7-го Августа, началъ страшно беспокоиться. — Я рѣшилъ не дѣлать ни одного шага для полученія предлагаемаго мнѣ мѣста и все предоставить судьбѣ, тѣмъ болѣе, что ты мнѣ не изъявляла своего желанія ѣхать въ Ставрополь и потому я хотѣлъ прежде посоветоваться съ тобою о рѣшеніи общей нашей судьбы. — Теперь, когда ты меня просишь оставить настоящую должность, ты, слѣдовательно, ясно мнѣ говоришь, чтобы я принялъ предлагаемое мѣсто, а сѣтованія твои на интриги Берга, еще болѣе меня въ этомъ убѣждаютъ. — Такъ какъ званіе начальника штаба весьма лестно и соответствуетъ и моимъ видамъ, то, опасаясь, чтобы черезъ интриги Берга дѣйствительно не былъ назначенъ другой, я сегодня же писалъ письмо Завадовскому, котораго благодарилъ за сдѣланный выборъ и объявилъ ему, что принимаю званіе начальника штаба съ большою признательностью. — Можетъ быть письмо мое Завадовскій получилъ уже поздно, но тогда онъ увидитъ, что съ моей стороны не было отказа. Здѣшній губернаторъ мнѣ сказалъ, что было бы необдуманно съ моей стороны оказываться. — Братъ же Николай пишетъ, что на Кавказѣ всѣмъ извѣстно о сдѣланномъ мнѣ представле-

ни.—Поздравь отъ меня Женю¹⁾ съ производствомъ въ унтеръ-офицеры, и скажи ему, что я питаю полную надежду, что это отличіе поведетъ его къ разряду отличныхъ, которые обыкновенно бываютъ выпускаемы въ гвардію. Пусть онъ только не забываетъ моихъ совѣтовъ.

Предполагаю вернуться въ Петербургъ черезъ девять-десять дней, ежели не будетъ никакихъ осложненій или же затрудненій въ послѣднемъ объѣздѣ; вообще ты можешь меня поздравить съ окончаніемъ одного изъ самыхъ труднѣйшихъ порученій.

До скорого свиданія.

Александръ.

14-го Іюля 1853. Вологда.

Милая и дорогая моя Машинька! Изъ моихъ посланій, писанныхъ тебѣ изъ Петрозаводска, Архангельска и теперь Вологды, ты видишь, мой другъ, что я все еще путешествую и моя надежда вернуться къ тебѣ не скоро еще осуществится, потому что я отсюда для дальнѣйшей ревизіи отправляюсь, черезъ Устюгъ, Никольскъ въ Вятку, а оттуда въ Пермь, куда я въ высшей степени неохотно ѣду. Дорогой отъ нечего дѣлать и чтобы заглушить тоску по семьѣ, разговариваю со встрѣчнымъ-поперечнымъ и узналъ, что здѣшнее населеніе, т. е. пробъжаемыхъ мною губерній, не отличается особенною нравственностью. Часто случается что молодая дѣвка до замужества—уже обладательница двухъ, трехъ дѣтей и не только ея семья, но и будущій супругъ не находятъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Въ Вологдѣ же веду очень тихій, скромный образъ жизни, весь поглощенъ работой и глубоко тронуть гостеприимствомъ и нѣжнымъ попеченіемъ семьи Гревницъ по отношенію ко мнѣ. Право, это многимъ скрашиваетъ неприглядную мою жизнь. Молодой Гревницъ собирается на дняхъ писать Сашѣ²⁾.

Крѣпко обнимаю, и цѣлую тебя и дѣтей. Письми въ Казань.

Весь твой

Александръ.

¹⁾ Пасынокъ Александра Андреевича, Евгенийъ Львовичъ Стрижевскій. Командовалъ во время турецкой войны 1877—78 г. 1-й гвардейской пѣшей баттареей. Позже флигель-адъютантъ, генералъ свиты. Скончался въ званіи Командующаго 1-й гвардейской пѣшей артиллерійской бригады.

²⁾ Александръ Львовичъ Стрижевскій, старшій и любимый пасынокъ Александра Андреевича; въ послѣднее время своей жизни занималъ мѣсто завѣдующаго всѣми дѣтскими пріютами при Великой Гнягнѣ Александрѣ Петровнѣ и скончался на 43 году жизни, за границей, въ званіи Камергера Двора Его Величества.

22 Июля 1853. Вятка.

Считаю лучшимъ препровожденіемъ времени въ день 22 Июля бесѣду съ тобою, и берусь за перо, чтобы поздравить тебя еще разъ, мой другъ, со днемъ твоего Ангела, поскорбѣть еще разъ объ обстоятель-ствахъ разлучающихъ насъ съ тобою въ этотъ день другой годъ сряду.— Ты получишь эти строки поздно, потому что изъ Вятки почта идетъ всего два раза въ недѣлю, по вторникамъ и субботамъ, пріѣхавши же въ среду, это письмо отойдетъ только въ субботу и ты получишь его въ первыхъ числахъ Августа.

23 Июля. Едва окончилъ эти строки, какъ долженъ былъ выйти въ приемную, гдѣ собрались нѣкоторые члены Палаты, чтобы мнѣ представиться.—По окончаніи приѣма, Красниковъ завелъ со мною разговоръ о разныхъ разностяхъ, а между тѣмъ и о томъ, что у него въ Петербургѣ есть двѣ именинницы—сестра и племянница—при этомъ и у меня сорвалось съ языка, что и у насъ въ семействѣ есть дорогая именинница.—Не допуская мысли, чтобы подобная откровенность могла повлечь за собой какія нибудь послѣдствія, я удалился къ себѣ въ комнату, чтобы продолжать бесѣду съ тобою.—Не прошло и полчаса, какъ меня вновь вызвали въ гостинную, гдѣ я къ крайнему моему изумленію, нашелъ собравшихся всѣхъ моихъ прошлогоднихъ знакомыхъ съ бокалами въ рукахъ.—Они усердно поздравляли меня съ днемъ твоего Ангела и распили за твое здоровье двѣ бутылки шампанскаго.—Послѣ этого сюрприза, меня не пустили болѣе работать и засадили играть въ карты; въ полночь сѣли за столъ и вновь пили за твое здоровье.—Вотъ какимъ образомъ, сверхъ всякаго ожиданія, были отпразднованы твои именины въ Вяткѣ.—Я сильно упрекалъ себя за излишнюю откровенность, а также далъ почувствовать и Красникову, что его вниманіе перешло предѣлы гостепріимства; но принесенныя имъ оправданія меня глубоко тронули и я не могу на него сердиться.—Вообще человѣкъ этотъ, знающій уже о предстоящемъ мнѣ новомъ назначеніи, показываетъ мнѣ расположеніе и вниманіе не какъ къ начальнику, а какъ къ человѣку, котораго онъ уважаетъ. Нисколько не удивляюсь, что извѣстіе о поѣздѣ на Кавказъ должно было тебя встревожить и взволновать. Я подвергся тому же вліянію при чтеніи писемъ Индреніуса и Циммермана, а болѣе всего меня беспокоитъ ваше будущее положеніе: и ты, и дѣти, всѣ вы будете обречены на весьма печальную жизнь.—Надѣюсь что черезъ два, три года мы перѣдемъ въ Тифлисъ, гдѣ уже ведутъ совсѣмъ другой образъ жизни.—Насчетъ нашей поѣздки въ Темиръ-Ханъ-Шуру ничего не могу сказать

въ настоящее время. Полученныя много свѣденія отъ Индреніуса и Циммермана объ удобствахъ помѣщенія—весьма неутѣшительны; но такъ какъ они выразились объ этомъ не совсѣмъ ясно, то я просилъ ихъ сообщить мнѣ, возможно въ скорѣйшемъ времени о тѣхъ средствахъ, которыя имѣетъ Шура для помѣщенія семейства начальника штаба.—Можетъ быть напишу тебѣ еще разъ изъ Вятки, а пока крѣпко цѣлую и обнимаю тебя и дѣтей.

Весь твой

Александръ.

25 Января 1854. Темиръ Ханъ Шура.

24 Декабря былъ въ дорогѣ между Ставрополемъ и Екатериноградомъ и постоянно думалъ о тебѣ и дѣтяхъ нашихъ, милая моя Машинька, и горько сожалѣлъ, что не могу присутствовать на семейной елкѣ, гдѣ навѣрно дѣти всѣ веселились.—Ничего новаго не могу тебѣ написать о здѣшнемъ пребываніи, кромѣ того только, что по моей инициативѣ устроили здѣсь собраніе, гдѣ съ большимъ увлеченіемъ танцуютъ и даже меня въ благодарность за доставленное имъ удовольствіе, приглашаютъ, такъ что и мнѣ пришлось пройтися двѣ кадрили. Домъ для насъ я уже пріискалъ, потому что въ казенномъ немислимо намъ помѣститься; часть мебели заказалъ, часть купилъ у Индреніуса, но зеркалъ въ странѣ нѣту, придется выписать изъ Астрахани и, пожалуйста—привези всѣ подушки, потому что тутъ понятія не имѣютъ о пухѣ, да и негдѣ достать. Что касается общества въ пріятномъ смыслѣ слова, то его здѣсь нѣту, развѣ только нѣсколько мужчинъ; для тебя это будетъ въ высшей степени тягостно. Я большею частью сижу дома, по воскресеньямъ обѣдаю у Волкова, остальные дни обѣдаю у себя дома, съ состоящимъ при мнѣ офицеромъ генеральнаго штаба капитаномъ Радецкимъ. *) Всѣ хозяйственныя подробности писалъ тебѣ въ предыдущемъ письмѣ; не забудь что всю прислугу придется тебѣ изъ Петербурга взять съ собою, здѣсь порядочной ни за какія деньги не найдешь. Изъ мѣстныхъ новостей сообщу тебѣ, что князя Орбеляна мы ожидаемъ сюда черезъ нѣсколько дней; Аргутинскій же, кажется никогда не увидитъ болѣе Дагестана, гдѣ онъ составилъ себѣ прекрасную

*) Знаменитый Шипкинский герой Федоръ Федоровичъ Радецкий.

репутацію. Не пеняй на меня за то, что я тебѣ не такъ часто пишу; но почта отходить отсюда только разъ въ недѣлю, поневолѣ приходится подчиняться тяжелымъ условіямъ. Да,—пока не забудь! Отчего ты такъ неохотно оставляешь непроданнымъ нашъ домъ? Здѣсь капиталъ приносить малые проценты, цѣны же мѣстамъ на Владимирской улицѣ съ каждымъ годомъ увеличиваются, выгоднѣе теперь не продавать.—

Крѣпко обнимаю, цѣлую тебя и дѣтей.

Твой Александръ.

9 Марта 1854 года.

Темиръ Ханъ Шура.

Я пишу къ тебѣ, мой неоцѣненный другъ, не дождавшись почты, потому что она приходитъ только завтра вечеромъ, а нарочный въ Екатериноградъ отправляется завтра съ разсвѣтомъ.—

Наконецъ прибылъ къ намъ 5-го Марта давно ожидавшійся князь Орбелянъ. Относительно моего назначенія на турецкую границу, онъ объявилъ мнѣ нижеслѣдующее: однажды вечеромъ, бывъ у князя Барятинскаго, онъ узналъ отъ него, что тотъ желаетъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Удивленный этимъ, Орбелянъ спросилъ Барятинскаго:—кто же будетъ вмѣсто его въ Тифлисѣ? Отвѣтъ былъ:—Идреніусъ. А кто вмѣсто сего будетъ у Бебутова? Отвѣтъ былъ.—Неверовскій, котораго уже и велѣно отправить въ Александрополь. Раздосадованный подобными произвольными распоряженіями, Орбелянъ побѣждалъ къ Воронцову съ просьбою объ удержаніи меня въ Шурѣ; но всѣ его увѣщанія и настоянія были безъ успѣха и намѣстникъ, сказавъ весьма много въ мою пользу, присовокупилъ, что дѣйствія противъ турокъ гораздо важнѣе, нежели предполагаютъ и я тамъ необходимѣе. Послѣ этого разсказа, князь Орбелянъ поздравилъ меня съ мѣстомъ начальникомъ штаба корпуса, предназначеннаго къ дѣйствіямъ въ Азіатской Турціи.—

Если это предположеніе не измѣнится, то назначеніе весьма лестное для меня, не доставляетъ однако мнѣ такого удовольствія, каковаго бы слѣдовало ожидать. Причина тому заключается въ весьма про-

стомъ обстоятельствъ: въ неутѣшной скорби о тебѣ и дѣтяхъ.—Отъѣздъ мой на границу Азіатской Турціи отсрочиваетъ наше свиданье на неопредѣленное время. Вопросы: останусь ли я живъ, куда возвращусь и когда, всѣ—невѣдомой будущности покрыты покровомъ.—

Замѣть, моя милая Машинька, что судьба быстро меня толкнула на другое мѣсто Индреніуса. Каковъ то будетъ исходъ?

Изъ семи имѣвшихся у меня лошадей, двухъ вьючныхъ продалъ за ту же цѣну, а пять беру съ собою и отправляю ихъ впередъ въ Александрополь. Хотя проводъ лошадей мнѣ будетъ стоять порядочно, но все жъ менѣе, чѣмъ вновь пріобрѣтать ихъ въ Александрополь, гдѣ существуютъ баснословныя цѣны на всѣ предметы потребности для военныхъ.—

Ожидаю со дня на день пріѣзда полковника Мищенко, назначеннаго временно исполнять мою должность въ Дагестанѣ.—По сдачѣ дѣлъ, тотчасъ же отправлюсь на перекладныхъ, налегкѣ, въ Тифлисъ, гдѣ представлюсь властямъ, а потомъ поѣду въ Александрополь.—Съ пріѣздомъ князя Орбеляна мои занятія еще болѣе увеличились, потому что надобно было приняться и за тѣ дѣла, которыя могъ рѣшить своею властью только одинъ командующій войсками.—Занимаясь усиленно цѣлый день до часу ночи, а вставая въ седьмомъ часу, я началъ чувствовать ослабленіе силъ, и вынужденнымъ былъ отдохнуть послѣ обѣда полчаса, а иногда и часъ.—Недостатокъ движенія, послѣобѣденный сонъ служатъ къ увеличенію полноты, усиленію глухоты и ослабленію зрѣнія.—Вообще я никогда такъ много не работалъ, какъ въ настоящее время, и только надежда на поправленіе въ дорогѣ, меня нѣсколько утѣшаетъ.

Женя, узнавъ о моемъ назначеніи на Турецкую границу, просилъ ко мнѣ, чтобы я устроилъ переводъ въ одну изъ баттарей дѣйствующаго тамъ корпуса. Желаніе его весьма простительно, но этотъ переводъ можетъ бросить на него тѣнь, возбудить негодованіе товарищей и гораздо легче отличиться прапорщику въ маломъ отрядѣ, какъ на примѣръ въ Дагестанѣ, чѣмъ въ цѣломъ корпусѣ, гдѣ часто и штабъ-офицеры ничего не получаютъ. При моемъ отказѣ, онъ горько расплакался; прошу тебя, милый мой другъ, быть убѣжденной, что я не хотѣлъ обидѣть твоего сына, а дѣйствовалъ въ его же пользу и получивъ приказаніе готовиться къ движенію въ горы, онъ этимъ зани-

мается и совершенно утѣшился.—Со слѣдующей почтой я увѣдомлю тебя вѣроятно, о днѣ моего выѣзда изъ Шуры.—Ты же оставайся въ Петербургѣ; какъ хорошо, что мы не продали домъ, усердно прошу тебя на лѣто переѣхать на дачу и пока адресуй всѣ письма ко мнѣ въ Тифлисъ.

До свиданья! Мой нѣжный другъ, поцѣлуй за меня крѣпко, крѣпко всѣхъ дѣтей, поклонись роднымъ и люби по прежнему твоего вѣрнаго мужа и друга.

Александръ.

12 апрѣля 1854. Александрополь.

Письмо твое отъ 18-го февраля, милая моя Машенька, было отправлено изъ Шуры вслѣдъ за мной и нагнало меня въ Тифлисъ 7-го апрѣля.—Ужасно подумать, что почти два мѣсяца прошли до полученія отъ тебя извѣстій; теперь же сношенія наши будутъ идти правильно и скорѣе: изъ Александрополя въ Тифлисъ письменный курьеръ каждую недѣлю, и не бываетъ въ дорогѣ болѣе 30 часовъ, а изъ Тифлиса экстря почта при хорошихъ дорогахъ достигаетъ Петербурга на 12-ый день. Надежда моя на полученіе отъ тебя нѣсколькихъ писемъ разомъ основана на томъ, что въ настоящее время отъ снѣжныхъ заваловъ въ горахъ, тамъ задержано 11 тяжелыхъ экипажей и три почтовыхъ.—

Какъ только моя правая нога пришла въ порядокъ, какъ меня тотчасъ же опять начали тягать то къ Бярятинскому то къ Реаду.— У перваго изъ нихъ я бываю по два раза въ день, и каждый разъ онъ удерживаетъ меня по два, по три часа; и у послѣдняго, хотя тамъ визиты продолжаются гораздо меньше, но за то онъ разстроилъ мнѣ послѣдній день моего пребыванія въ Тифлисъ приглашеніемъ на обѣдъ, длившійся около двухъ часовъ.

Кромѣ меня у него обѣдалъ начальникъ 18-й дивизіи, генералъ Бѣлявскій. На другое утро меня еще разъ потребовалъ къ себѣ Бярятинскій, а въ одиннадцать часовъ я уже летѣлъ курьеромъ въ Александрополь и прибылъ благополучно въ эту крѣпость сверхъ всякаго ожиданія, въ Страстную субботу вечеромъ.—Какъ мнѣ не хотѣлось быть у заутрени, путешествіе на перекладной по курьерской подорож-

ной меня такъ утомило, что я вынужденныхъ (нрзб.) представиться Бебутову уже на другой день. Приемъ его былъ весьма ласковъ: однако при чтеніи привезеннаго ему мною письма отъ князя Орбельяна, который выразился, что плакалъ отпуская меня изъ Дагестана, Бебутовъ прорвался, сказавъ, что онъ тоже плачетъ объ Индреніусѣ. — На это я ему объявилъ: „употреблю все усилія, чтобы заслужить довѣріе Вашего Сіятельства и заставить васъ возможно менѣ скорбѣть объ Индреніусѣ“. Замѣтивъ сдѣланный мнѣ промахъ, онъ началъ меня цѣловать, и тѣмъ дѣло и кончилось. — Отъ Бебутова я отправился къ генераламъ: Баговуту, Бриммеру, Кишинскому и вообще ко всемъ тѣмъ лицамъ, съ которыми буду находиться въ ежедневныхъ столкновенияхъ. Въ одинъ день Индреніусъ познакомилъ меня со всеми и завтра вступаю уже въ трудную должность. — Меня такое отчаяніе разобратило при мысли, что все наши планы о совмѣстной жизни въ Шурѣ, благодаря моей теперешней командировкѣ неосуществились, что думалъ не вызвать ли тебя съ дѣтьми въ Тифлисъ, который всего въ 270 в. отъ Александрополя и, хотя начальнику штаба трудно отлучаться изъ корпуса, все легче было бы на душѣ. — Жить же тебѣ съ семьей въ Александрополь немислимо! въ самой крѣпости помѣщаются только чины гарнизона, а мы прихожане, вынуждены кватрироваться въ грязномъ полуразрушенномъ азіатскомъ городѣ, называвшемся прежде Гумры. Кромѣ того, крѣпость находится на самой границѣ и легко можетъ быть, что ежели она и не будетъ обложена, то получить въ подарокъ нѣсколько непріятельскихъ ядеръ. И потому какъ ни горько и не больно, но приходится, мой другъ, покориться судьбѣ.

Съ княземъ Бебутовымъ я до сихъ поръ въ ладу, и ежели между нами не пробѣжитъ черная кошка, то надѣюсь съ нимъ совершенно сойтись. Онъ пригласилъ меня, разъ и навсегда обѣдать, какъ самаго близкаго домашняго человѣка и это крайне любезно. —

Лошадей моихъ, которыя прибыли сегодня, обогналъ штабсъ-капитанъ Лагоріо, состоящій по особымъ порученіямъ, при Орбельянѣ и ѣхавшій съ донесеніемъ въ Тифлисъ о счастливомъ возвращеніи отряда изъ горъ. —

Лагоріо поручилъ казаку сообщить мнѣ, что наши войска имѣли въ Дагестанѣ хорошее дѣло, что Женья остался здоровъ и невредимъ и вель себя молодцомъ при орудіяхъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ я опишу тебѣ составъ штаба Бебутова, который весьма великъ; теперь же скажу, что адъютантъ Индреніуса

по его просьбѣ и просьбѣ Бебутова состоитъ при мнѣ, даже живеть со мною.—Онъ большой охотникъ до пишущихъ столовъ и возитса съ ними цѣлый день.—Я поручилъ ему спросить столъ, когда увижусь съ вами? На что получилъ отвѣтъ: „когда самъ къ нимъ прїѣдетъ“. Срока же столъ никакъ не хотѣлъ опредѣлить, и уже на третій день послѣ вопроса написалъ, что я увижусь съ семействомъ, когда убьютъ турецкаго султана. Чистый вздоръ!

Но до свиданья, мой нѣжный другъ! Всѣхъ крѣпко обнимаю, цѣлую.

Твой Александръ.

31-го августа 1854. Село Арь-Булагъ.

Какъ жаль, мой другъ, что Александровскій не исполнилъ моего желанія. Я его такъ убѣдительно просилъ отправить письмо по адресу, если бы онъ не успѣлъ пробраться въ Павловскъ.—Разсчитывая на его обѣщаніе быть у тебя, я не писалъ вовсе о подробностяхъ, въ предположеніи, что онъ, какъ очевидецъ, лучше передастъ все до меня относящееся. Теперь скажу вкратцѣ нѣсколько словъ о себѣ до боя, а потомъ во время самага боя.—

Мы имѣли свѣденія дней за десять до встрѣчи съ турками о намѣреніи ихъ насъ атаковать.—Всѣ эти десять дней я былъ на ногахъ, а по ночамъ не раздѣвался, чтобы быть при первой тревогѣ на конѣ; въ послѣднюю же ночь вовсе глазъ не закрылъ.—Перенесенныя мною въ это время труды приводятъ къ тому заключенію, что при напряженіи нравственныхъ силъ человѣка, его физическія силы удваиваются.—Я уже писалъ тебѣ о самомъ днѣ боя и о его подробностяхъ*), посему повторяться не буду; скажу только, что должность начальника штаба при сраженіи крайне утомительна, нужно побывать во всѣхъ частяхъ войска, чтобы знать какъ и куда ихъ передвигать, докладывать о результатахъ боя;—и 24 іюля я усталости не чувствовалъ, мысль о возможной опасности и въ голову не западала, такъ я былъ заинтересованъ ходомъ дѣла,—лишь 25—26-го я ее почувствовалъ.—Бой 24 іюля еще болѣе убѣдилъ меня въ кровожадности натуры человѣческой: когда я увидѣлъ кровь нашего перваго раненаго, то только и горѣлъ желаніемъ отомстить непріятелю. По случаю пожало-

*) Это письмо, какъ и многія другія, къ сожалѣнію, утеряно.

ванія награды князю Бебутову штабъ давалъ ему пышный обѣдъ. На этомъ обѣдѣ участвовало около 100 человѣкъ; всѣ были руководимы искренностію чувствъ, а потому всѣмъ и было весело. Дня черезъ три артиллерія давала обѣдъ своему начальнику генералу Бриммеру.— Я также былъ приглашенъ, но не знаю почему провелъ время съ лишнимъ (?) увлеченіемъ.—

30-го августа князь Бебутовъ, полагая, что это день моихъ именинъ, зашелъ въ семь часовъ утра меня поздравить. Я былъ глубоко тронутъ его вниманіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне удивилъ его, когда сказалъ ему, что самъ не знаю о днѣ моего Ангела.

Я узналъ по секрету, что послѣзавтра штабъ готовить для меня обѣдъ по случаю моего производства; князь Бебутовъ вызвался тоже присутствовать на этомъ обѣдѣ. Я очень признателенъ ему за эту честь, и не знаю какъ благодарить подчиненныхъ за ихъ вниманіе ко мнѣ.

Но до свиданія, мой другъ,

твой Александръ.

29 сентября 1854. Село Гюли-Булагъ.

Убѣдительно прошу тебя, мой другъ, беречь свое здоровье и не щадить средствъ для восстановленія его. Ты можешь теперь быть спокойна, что съ турками мы не будемъ имѣть долго столкновенія. Анатолійская армія послѣ дѣла 24 іюля очень упала духомъ.—Мы стоимъ лагеремъ въ Азіатской Турціи какъ въ Ярославской губерніи: непріятель нигдѣ не показывается и спрятался въ Карсъ.—Развѣ будущей весною онъ дерзнетъ опять приблизиться къ нашимъ предѣламъ.— По случаю совершеннаго недостатка фуража, мы оставили позицію у Аръ-Булага и приблизились къ Александрополю, отъ котораго отрядъ расположенъ всего въ восьми верстахъ.—Близость города нисколько не улучшила моего быта.—

Вчера прибыло къ намъ частное извѣстіе о пораженіи, претерпѣнномъ въ Крыму С.-Арно, который просилъ будто бы у Меньщикова перемирія на три дня.—Если это извѣстіе подтвердится официальнымъ путемъ, то оно, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть огромное вліяніе на ходъ дѣла.—Турки полагали всю надежду на французовъ и англичанъ, а эти молодцы воображали, что русскіе могутъ справиться только съ турками.—Дай Богъ, чтобы частное извѣстіе было справедливо! Тогда

Пальмерстонъ улетитъ и во главѣ станетъ партія мира.—Съ отдѣленіемъ Англіи и Франція вынуждена будетъ укротить свой военный порывъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Австрія измѣнитъ свое поведеніе.—Съ счастливою переменною всѣхъ этихъ обстоятельствъ можно предполагать, что къ веснѣ переговоры будутъ близки къ заключенію мира.—Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ курьера со дня на день, потому что пораженіе дессанта есть предметъ первостепенной важности.

Крѣпко обнимаю и цѣлую тебя, тоскую вдали семьи безмѣрно и не дождусь свиданія.

Твой Александръ.

2-го Декабря 1854. Александрополь.

Какъ я радъ былъ вычитать изъ твоихъ послѣднихъ писемъ, милая моя Машенька, что тебя ежедневно навѣщаетъ графиня Ламбертъ. Какъ близкія родственницы да къ тому еще такъ дружны между собою, (нрзб.) ее присутствіе должно служить тебѣ большимъ утѣшеніемъ въ твоемъ грустномъ одиночествѣ, тѣмъ болѣе что она такая рѣдко умная и сердечная женщина.—Какъ мнѣ грустно, и невыразимо обидно, что вотъ уже второй годъ, какъ я лишень возможности лично тебя поздравить и расцѣловать въ день твоего рожденія и меня разбираетъ страшная тоска при постоянной неизвѣстности.—Дѣла въ Крыму запутываются, о моей поѣздкѣ въ Петербургъ умалчиваютъ, а послѣзавтра я ѣду съ княземъ Бебутовымъ въ Эривань, откуда предполагаю возвратиться къ 15 Декабрю. Во все это время нарочныхъ отправлять не будемъ, а слѣдовательно ты не получишь отъ меня письма ранѣе, какъ черезъ 10 дней. О посылкѣ войскъ въ Карсъ, мы тоже читали въ газетахъ; но это чистый вздоръ.—Здѣсь уже выпалъ снѣгъ и начались довольно сильные морозы.—Браневскій оставилъ мѣсто; по причинѣ сильно растроенаго здоровья онъ не могъ перенести усиленныхъ занятій.

Твой Александръ.

4-го Февраля 1855 Александрополь.

Скажи мнѣ пожалуйста, милая Машенька, кто это такіе стратеги, которые произнесли рѣшительный приговоръ насчетъ невозможности высадки союзныхъ войскъ въ Малой Азіи?

Совершенно согласенъ, что враги наши ничего не могутъ предпринять противъ Ревеля, а тѣмъ болѣе противъ Кронштадта, потому что для этого нужны большія силы; но въ Малую Азію достаточно французамъ послать 10 т. человѣкъ.—Если бы эти 10 т. находились въ составѣ Анатолійской Арміи въ прошломъ году, то мы не отважились бы вступить въ бой съ непріателемъ. Можно съ 18 т. атаковать 60 т. турецкихъ войскъ, но трудно рассчитывать на счастливый исходъ дѣла, если бы эти 60 т. имѣли еще въ резервѣ 10 т. свѣжаго войска и при томъ еще такого, съ которымъ надо драться одинъ на одинъ, а не одинъ противъ трехъ. Впрочемъ напрасно буду утруждать тебя подобнаго рода объясненіями: надо быть военнымъ человѣкомъ и знать хорошо край и всѣ обстоятельства, чтобы произносить приговоры и имѣть (нрзб.) всѣ данныя.

Изложенныя въ твоёмъ письмѣ основанія совершенно справедливы въ примѣненіи къ предѣламъ Европейской Россіи, но отнюдь не распространяются на Кавказскій край.—Не вѣрь роскознямъ этихъ лицъ, а вѣрь мнѣ, что ежели бы была малѣйшая возможность устроить тебя въ Тиблисѣ, я бы попросилъ тебя пріѣхать туда съ дѣтьми, но тогда я долженъ быть увѣренъ, что останусь здѣсь, въ краѣ, а я этого навѣрно не знаю.—

Подобнаго рода лица убѣдили тебя и въ томъ, что будто бы въ нашемъ лагерѣ существуетъ чума.—Объ этой болѣзни у насъ никто не помышлялъ даже во снѣ. Ежели же мои письма приходятъ проколотыя и прошитыя, то это происходитъ отъ того, что въ 200 вер. отъ Александрополя появилась заразительная горячка, но теперь ее и слѣдъ простылъ.—Справедливо ли сообщенное тебѣ Николаемъ Ивановичемъ Вольфомъ *) насчетъ князя Бебутова? У насъ объ этомъ рѣшительно ничего неизвѣстно. Ежели слова Николая Ивановича справедливы, въ такомъ случаѣ мое служебное положеніе еще менѣе объяснится потому, что у Муравьева будетъ докладчикомъ князь Барятинскій, но уже никакъ не я. Молодой Волковъ, отзывающійся обо мнѣ такъ лестно, служить не подь моимъ начальствомъ, но прикомандированъ къ линейнымъ казакамъ. Я взялъ его подь особенный надзоръ по просьбѣ его брата, флигель-адъютанта, женатаго на сестрѣ Нелидовой. Онъ дѣйствительно добрый малый, и я на него жаловаться не могу.

Крѣпко обнимаю тебя и дѣтей.

Твой Александръ.

*) Николай Ивановичъ Вольфъ воспитывался въ Пажескомъ Корпусѣ, долго служилъ на Кавказѣ, вышелъ генераломъ въ отставку изъ за служебныхъ непріятностей. За умѣніе излагать мысли, назывался золотымъ перомъ.

8-го февраля 1855. Александрополь.

Сегодня отправляется от насъ въ Петербургъ флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ. Счастливецъ! онъ возвращается въ свое семейство, и я не могу не позавидовать ему отъ всей души.—Такъ какъ мы были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, то онъ предложилъ мнѣ свои услуги:—быть у тебя, моя милая Машинька.—Скобелевъ, какъ придворный человѣкъ (хочу этимъ сказать—очень благовоспитанный человѣкъ), сдѣлаетъ на тебя пріятное впечатлѣніе, и я просилъ его рассказать въ подробностяхъ мой образъ жизни, мои занятія, мои отношенія къ разнымъ лицамъ, мое служебное положеніе, и объяснить тебѣ также причины, недозволяющія еще вызвать Васъ въ Тифлисъ.—

На масляной недѣлѣ провелъ такъ же скучно время, какъ и всегда, хоть и былъ приглашенъ нѣсколько разъ на блины разными генералами. Ты знаешь, что я не охотникъ до этого блюда, которое въ Александрополѣ начали ѣсть съ перваго дня масляницы.—

Князь Бебутовъ находится до сихъ поръ въ Александрополѣ и выжидаетъ только прибытія новаго главнокомандующаго, чтобы отправиться въ Тифлисъ для свиданія съ нимъ и разныхъ объясненій.—Такъ какъ онъ на этой недѣлѣ говѣеть, то у него по старому армянскому обычаю не готовятъ даже рыбы.—Ты можешь послѣ этого себѣ представить, какимъ страданіямъ подвергается мой несчастный желудокъ.—

Послѣ сильныхъ морозовъ у насъ настали оттепели, доказывающія приближеніе весны.—Снѣгъ въ городѣ совершенно исчезъ и сдѣлалась невылазная грязь, затрудняющая всякое сообщеніе.

Ты просила описать тебѣ составъ дамскаго общества въ Александрополѣ,—я повинуюсь этому желанію: оно состоитъ изъ двухъ главныхъ разрядовъ; туземокъ, которыя только тѣмъ и отличаются отъ мужчинъ, что носятъ юбки, и русскихъ, которыхъ мужья постоянно служатъ въ Александрополѣ.—Послѣднія раздѣляются на два класса: плебейнокъ и аристократокъ. И вдобавокъ, въ частности, главное различіе между плебянками и аристократками заключается въ томъ, что первыя изъ нихъ почти всѣ говорятъ по французски, постоянно надѣваютъ на вечеръ декольтированныя платья, прицѣпля къ нимъ разныхъ видовъ и формъ часы и, не обращая никакого вниманія на цвѣтъ платья, надѣваютъ почти всегда для танцевъ бѣлые башмаки, весьма мало похожіе на атласныя и надѣваютъ перчатки couleur de rose claire. Перейду теперь къ названію лицъ.—

I. Туземки:

Жена командира линейнаго батальона, полковника Моргозова—грузинка. Хотя она моя хозяйка, но справедливость требуетъ сказать, сказать, что была нѣкогда очень хороша: теперь же къ ней можно примѣнить поговорку: былъ конь да изъѣздилися.—

Жены: городничаго и крѣпостнаго плацъ-адъютанта—гречанки.— Кромѣ очень хорошихъ черныхъ глазъ отъ нихъ ничего добраго не добьешься.—Русскихъ дамъ насчитываютъ до двѣнадцати: плебеянокъ.. (нрзб.)—это жены нѣкоторыхъ докторовъ, комиссіонеровъ и плацъ-маіора. Последняя на видѣ гораздо моложе своей падчерицы и очень любить называть всѣ вещи, безъ изъятія ихъ собственными именами, не обинуясь ничѣмъ.—Остальныя русскія дамы составляютъ классъ аристократокъ.—На первомъ планѣ красуется жена главнаго аптекаря М-ше Напетти; она воспитывалась въ кievскомъ институтѣ вмѣстѣ съ сестрой моею Лизой*) не взирая, однако, на это, я долженъ сказать, что при ея миловидности и граціозности, она умѣетъ довольно короткій умъ, такъ что съ ней нѣтъ возможности вести разговоръ.

И вотъ въ этомъ родѣ еще нѣсколько дамъ; кто поумнѣй, кто поглупѣй, иныя совсѣмъ не отшлифованныя, другія, несмотря на отсутствіе красоты и граціи со страшными претензіями и послѣ этого описанія имѣешь полное право мнѣ завидовать и сказать: „Счастливецъ Александръ! въ какомъ пріятномъ дамскомъ обществѣ проводитъ онъ время!“—Разскажу тебѣ презабавный случай, сообщенный мнѣ на дняхъ княземъ Бебутовымъ.

Князь Воронцовъ имѣлъ однажды надобность написать кое что любезное генералу Козловскому и Армянскому Патріарху. Продиктовать..... (нрзб.) письма, онъ приказалъ ихъ отправить по адресамъ.— Въ послѣдствіи онъ узналъ, что генералъ Козловскій очень обидѣлся тѣмъ, что Воронцовъ называетъ его *Святѣйшествомъ*, просить у него благословенія и поручилъ себя его молитвамъ.—Патріархъ же, получивъ письмо, въ которомъ приносились ему поздравленія съ рожденіемъ у него дочери и изъявлялось желаніе, чтобы и на будущее время семейство у него умножалось, пріѣхалъ лично къ князю Воронцову доложить, что ни по сану, ни по его лѣтамъ (ему 84 года) дѣтей онъ имѣть не можетъ.—Все это произошло отъ того, что перемѣшали письма; но исторія эта надѣлала много шуму и смѣха.—

*) Позже вышедшей замужъ за Губинъ-Левковича.

Что тебѣ вздумалось спросить о Вранкенѣ? Онъ поздравлялъ меня съ производствомъ въ генералы и написалъ по этому случаю весьма лестное письмо. Вранкенъ не можетъ жаловаться на судьбу, потому что назначенъ уже начальникомъ Дивизіи, расположенной теперь въ Царствѣ Польскомъ.—Я постоянно сильно занятъ теперь, по случаю скорого пріѣзда новаго главнокомандующаго въ Тифлисъ, для котораго требуютъ отъ насъ разнаго рода свѣдѣнія.

Какъ я тебѣ завидую что ты ежедневно, ежечасно можешь видѣть развитіе нашихъ дѣтей, а я лишень этого счастья. Поцѣлуй ихъ нѣжно и крѣпко отъ меня и люби попрежнему своего

Александра.

18-го Апрѣля 1855. Александрополь.

Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ тебѣ что мы ожидаемъ князя Бебутова 12-го Апрѣля, послѣ обѣда. вмѣсто 5-ти часовъ онъ прибылъ въ 3, и мы едва успѣли приготовиться къ приему. Я выѣхалъ къ нему навстрѣчу за городъ, версты за три. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ и милъ со мною; нѣсколько разъ принимался меня цѣловать и нѣсколько разъ повторялъ, что очень радъ меня видѣть. По окончаніи приема я остался у него одинъ и просидѣлъ болѣе пяти часовъ.—Разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Тифлисъ, гдѣ его страшно закидали разными вопросами, онъ сожалѣлъ что ему вовсе не удалось отдохнуть.—Что касается собственно до меня, то князь Бебутовъ повторилъ тоже самое, что и писалъ мнѣ, т. е., что онъ отозвался обо мнѣ главнокомандующему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.—Вопросъ о пріѣздѣ къ намъ главнокомандующаго окончательно рѣшенъ: мы ожидаемъ его прибытія въ исходѣ Мая.—Извѣстно также что онъ имѣетъ намѣреніе принять начальство надъ войсками; но остается ли здѣсь князь Бебутовъ и останется ли нашъ штабъ или будетъ сформированъ новый—это еще положительно не разъяснено. Если нашъ штабъ будетъ упраздненъ, то очень желательно было бы знать какое мнѣ дадутъ назначеніе? Ѣхать же въ Шуру значитъ быть разжалованнымъ изъ поповъ въ дьяконы; въ Шуру назначать, говорятъ, теперь Радецаго.—Князь Бебутовъ привезъ мнѣ подарокъ—портъ-сигаръ, въ которомъ нашелъ кисеть, или вѣрнѣе сказать кошелекъ, собственной работы его жены. Не понимаю причины, почему эта дама такъ ко мнѣ благоволитъ,—

Не далѣ какъ на дняхъ я получилъ свѣдѣнія, что Турецкія войска, расположенныя противъ Гуріи, вновь готвятся къ наступательнымъ дѣйствіямъ; причина, которая меня заставляетъ, какъ бы оно странно не казалось, радоваться что тебя съ семействомъ нѣтъ въ Тифлисѣ, въ виду по всей вѣроятности предстоящихъ военныхъ дѣйствій.—Неизвѣстно еще что будетъ, а въ Петербургѣ вы безопасны.—

Поцѣлуй нѣжно отъ меня дѣтей.

Весь твой

Александръ.

25-го Іюля 1855. Село Каны-кой.

Никогда еще, милая моя Машенька, мое сердце такъ не рвалось къ тебѣ и къ дѣтямъ, какъ въ настоящее время. Въ прошломъ году мои занятія были огромны, но теплое сердце князя Бебутова, его вниманіе и снисходительность, облегчали нѣсколько тяжесть труда.—Теперь все идетъ иначе: если все хорошо сдѣлано, то не обращаютъ никакого вниманія; а какъ только случится какая нибудь ничтожная проруха, тотчасъ же замѣчаютъ,—и замѣчаютъ иногда весьма непріятнымъ образомъ.—Коротко,—я изнемогаю подъ бременемъ занятій. Къ тому же и мое здоровье сильно пошатнулось, медики предполагаютъ, что климатъ на Кавказѣ мнѣ не благопріятенъ, совѣтуютъ мнѣ жить въ сѣверныхъ губерніяхъ, и по окончаніи компаніи т. е. съ наступленіемъ зимы, буду проситься въ отпускъ, и постараюсь пріискать себѣ мѣсто въ Петербургѣ.—

Скажу теперь тебѣ нѣсколько словъ о нашемъ семидневномъ движеніи къ Эрзеруму.—17-го Іюня, оставивъ часть войскъ противъ Карса, съ большею половиною корпуса мы двинулись къ Саланлукскому Хребту. Объ этихъ горахъ очень много шумѣли и я имѣлъ преувеличенное понятіе. Дѣйствительность показала, что переваль черезъ нихъ вовсе не такъ труденъ, а въ сравненіи съ Дагестанскими горами ничтоженъ.—Перевалившись за хребетъ, начали уничтожать непріятельскіе запасы, которые были найдены въ значительномъ количествѣ.—Уничтоженіе этихъ запасовъ поставило гарнизонъ Карса въ непріятное положеніе, а также лишило продовольствія и тѣ подкрѣпленія, которыя Турки могли бы прислать въ Анатолю.—Представь себѣ, что, несмотря

на раздѣленіе нашихъ силъ, непріятель нигдѣ ни осмѣлился показаться.— Карскій гарнизонъ сидѣлъ прикованный къ своимъ стѣнамъ, а другой турецкій отрядъ—не осмѣлился защищать своихъ запасовъ, но быстро отступилъ ближе къ Эрзеруму и укрылся за Аракомъ.—Мы находились отъ Карса въ 70-ти верстахъ и распоряжались въ непріятельской землѣ какъ бы въ Ярославскомъ уѣздѣ.—Вчерашній день нашъ корпусъ опять весь сосредоточился, а слѣдовательно непріятель сдѣлался еще болѣе робкимъ.

На меня Солоанлезскія горы сдѣлали пріятное и непріятное впечатлѣніе: пріятное потому, что видѣлъ на нихъ лѣсъ, котораго не встрѣчалъ больше года, а непріятное потому что отъ сильнаго дневнаго зноя переходъ къ ночному холоду былъ чрезвычайно разителенъ и даже были два раза утренніе морозы.—Многіе изъ нашихъ переболѣли, но какъ только спустились съ горъ—тотчасъ же поправились.—

Но до свиданья, мой другъ, цѣлую всѣхъ.

Твой Александръ.

18-го Сентября 1855 г. Село Чивтлигая.

14 нашъ отрядъ штурмовалъ Карсъ или, правильнѣе сказать, укрѣпленную позицію на Карскихъ высотахъ. Штурмъ этотъ, на который войска шли съ такой увѣренностью, и который подавалъ вначалѣ надежду на успѣхъ, совершенно не удался: мы должны были отступить и возвратиться въ прежній лагерь.—Потеря у насъ огромная. Я находился при Броммерѣ командовавшемъ главнымъ резервомъ. Въ серединѣ боя, главнокомандующій потребовалъ его къ себѣ, а меня оставили при томъ же резервѣ,—изъ котораго уже половина было взято войскъ.—Подъ конецъ боя резервъ принялъ отступающія наши войска, а я заботился о скорѣйшемъ подобраніи раненыхъ и перевода ихъ съ перевязочнаго пункта въ госпиталь.—Признаюсъ два раза порывался я на мѣсто боя, но оба раза получалъ приказаніе оставаться при резервѣ. Не знаю съ какой цѣлью было это сдѣлано? Вѣроятно судьбѣ угодно было меня сохранить, потому что на штурмѣ почти всѣ начальники пострадали; резервъ же находился внѣ огня. Я могъ бы сообщить тебѣ много подробностей насчетъ штурма, но ты знаешь мой другъ, что бумагѣ опасно все довѣрять. Впрочемъ объ этомъ

штурмъ послано уже официальное донесеніе и оно вѣроятно будетъ напечатано.

Не могу тебѣ сказать до какой степени мнѣ тягостны отношенія съ Н. Н.*); я отъ души радъ когда его не вижу по нѣсколькимъ днямъ; но когда онъ за мной присылаетъ, то всегда бываютъ непріятности и это не можетъ не вліять на меня.

Твой Александръ.

16 Октября 1855. Село Чивтлигая.

Все мы блокируемъ Карсъ въ ожиданіи сдачи, а между тѣмъ сами не знаемъ, мой другъ, когда она послѣдуетъ.—Чтобы защитить себя отъ холода, простирающагося иногда по утрамъ до 6-ти градусовъ мороза, строимъ землянки и бараки и можемъ въ этихъ, такъ называемыхъ, теплыхъ помѣщеніяхъ простоять еще два мѣсяца, не достигнувъ своей цѣли.—Гарнизонъ крѣпости Карса, руководимый Вильямсомъ (полковникъ англійской службы) держится упорно и до сихъ поръ не помышляетъ о сдачѣ.—Гарнизонъ этотъ переноситъ большія лишения.—Прежде отъ него было много перебѣжчиковъ, но теперь, когда Вильямсъ разстрѣлялъ нѣсколько человѣкъ, хотѣвшихъ бѣжать и пойманныхъ, въ томъ числѣ и одного офицера, побѣги почти совершенно прекратились. Упорство турокъ возбуждаетъ и въ насъ настойчивость достигнуть предположенной цѣли.—Наша стоянка подъ Карсомъ продлится до тѣхъ поръ, пока Карсъ не будетъ въ нашей власти. Для осуществленія этого предположенія, мы строимъ по случаю наступающихъ морозовъ, теплыя помѣщенія войскъ.—Твой покорнѣйшій слуга тоже выстроилъ себѣ каменный домикъ, въ которомъ будетъ жить вмѣстѣ съ Хадзько. Домикъ этотъ состоитъ изъ двухъ комнатъ, каждая въ четыре квадратныя сажени, т. е. немного болѣе обыкновенной офицерской палатки. Домикъ этотъ будетъ совершенно готовъ дня черезъ три и на постройку его употреблено всего 8 дней, не смотря на то, что стѣны имѣютъ въ толщину почти $\frac{3}{4}$ аршина. Стѣны эти сложены изъ плитоваго камня на сухой землѣ; внутренность комнатъ будетъ обтянута сукномъ и коврами.—Печка выстроена огромная, такъ что я даже боюсь, что будетъ слишкомъ жарко.

*) Александръ Андреевичъ не ладилъ съ Муравьевымъ; послѣдній его недолюбливалъ и былъ часто по отношенію къ нему придиричивъ и несправедливъ.

Крымскія дѣла намъ не улыбаются. Вообще 55-ый годъ чрезвычайно тяжелъ для Россіи и не было ни одного случая, который могъ бы порадовать нашего добраго Государя. Не взирая на неудачи, я твердо убѣжденъ, что все измѣнится къ лучшему и Россія окончитъ со славою эту борьбу, потому что она не выполнила еще своего значенія. Будемъ надѣяться на судьбу!

Поцѣлуй дѣтей и люби по прежнему

твоего Александра.

24 Октября 1855. Село Чивтлигая.

На дняхъ, милая моя Машенька, гостилъ у меня товарищъ по воспитанію въ Академіи, генераль Каригофъ, съ которымъ не видѣлся 15 лѣтъ. Я нашелъ въ немъ мало перемѣны, а онъ—увы! не могъ скрыть своего удивленія при первой встрѣчѣ, такъ я постарѣлъ, мой другъ. Онъ мнѣ рассказывалъ, что всѣмъ въ Тифлисѣ извѣстно мое непріятное положеніе, но что общественное мнѣніе въ мою пользу и всѣмъ извѣстно, какъ тяжело служить съ Н. Н.

Къ Хадзъкѣ заѣзжаетъ часто одинъ живописецъ, нѣкто Карадини, который служитъ прапорщикомъ въ нижегородскомъ драгунскомъ полку. Онъ нарисовалъ мой портретъ и хочетъ послать его къ Тиму, для напечатанія въ Художественномъ Листкѣ.—Если цензура пропуститъ, то ты увидишь мою фигуру въ произведеніи Тима.—Я взялъ слово съ Карадини, чтобы онъ нарисовалъ другой экземпляръ моего портрета, который отправлю къ тебѣ.

У насъ все это время дѣлали серьезныя приготовленія къ блокадѣ Карса зимою, если эта крѣпость не сдастся прежде, чѣмъ выпадетъ снѣгъ. Хотя гарнизонъ голодаетъ и нѣтъ уже лошадей, однако до сихъ поръ не сдается.—Мы заготовляемъ сани, лопаты для разгребанія снѣга и пр. и пр. Упорство Карскаго гарнизона меня сердитъ болѣе чѣмъ кого либо, удерживая меня вдали отъ Васъ.

Цѣлую всѣхъ.

Твой Александръ.

13-го Ноября 1855. Село Чивтлигая.

Сообщу тебѣ пріятную новость, милый мой другъ Машинька! Вчера пріѣзжалъ адъютантъ Вильямса, Тиздель, съ письмомъ къ главно-командующему, въ которомъ Вильямсъ просилъ свиданія съ нимъ. Сегодня это свиданіе состоялось и сдача Карса рѣшена. Завтра будутъ утверждены взаимной подписью условія сдачи, а послѣзавтра весь гарнизонъ, за исключеніемъ безсрочно-отпускныхъ и милиціи, сдается военно-плѣннымъ.—Вильямсъ рассказывалъ ужасы о несчастномъ положеніи этого гарнизона, да всѣ эти дни были перебѣжчики, говорившіе что ему не чѣмъ болѣе кормиться.—Когда займемъ Карсъ, то сообщу тебѣ подробности сдачи и того положенія, въ какомъ гарнизонъ будетъ найденъ.—Перейду теперь къ твоему разговору съ Вольфомъ; что на меня многіе нападаютъ—понятно, безъ этого жить нельзя; но на меня взваливаютъ такія обвиненія, въ которыхъ я не причастенъ.—Послѣ боя при Клорукъ-Дара, я первый сказалъ князю Бебутову, что надо преслѣдовать непріятели; но къ сожалѣнію, другіе были противнаго мнѣнія. На счетъ движенія къ Карсу не было никакого совѣта, а князь Бебутовъ самъ рѣшилъ не идти туда по трудности предпріятія. Дѣйствія нынѣшняго оправдали его блистательнымъ образомъ.—Князь Бебутовъ, объясняя причины, по которымъ не можемъ взять Карса, не упоминалъ о военномъ совѣтѣ, *никогда не бывшемъ*, а слѣдовательно не могло быть рѣчи и обо мнѣ.—Въ Тифлисѣ это обстоятельство хорошо знали; знали даже и о моемъ предложеніи преслѣдовать непріятели.

По случаю сдачи Карса, роспуска войскъ на зимнія квартиры и упраздненія потомъ штаба, мнѣ будетъ еще много работы, такъ что ранѣе конца Декабря я не успѣю отдѣлаться. Но потомъ сейчасъ же поѣду въ Петербургъ.

До скорого свиданья.

Александръ.

21 Ноября 1855

То же селеніе Чивтлигая, названное теперь *Владикарсомъ*.

Вѣроятно по случаю дурного состоянія дорогъ почты начали ходить неисправно, а потому въ продолженіи этой недѣли я не получилъ отъ тебя, мой милый другъ, никакой вѣсточки.

16-го ноября свершилось наконецъ великое событіе: вся Анатолийская Армія, съ главнокомандующимъ, восемью пашами и генераломъ Вильямсомъ со штабомъ—положили передъ нами оружіе.—Крѣпость Карсъ занята уже нашими войсками. Овладѣніе этой крѣпостью не такъ важно, какъ уничтоженіе всей Анатолийской Арміи и всего матеріальнаго ея достоянія: всѣ орудія числомъ 130, все оружіе и всѣ военные запасы находятся въ нашей власти.—Сформированіе новой арміи для всякаго государства трудно, а въ особенности для истощенной Турціи. Если союзники не подадутъ ей руку помощи, то русская армія будетъ хозяйничать въ 1856 году въ Малой Азии по своему произволу.—Мы всѣ радуемся сдачѣ Карса и Турецкой арміи, потому что это событіе обрадуетъ немного Государя, получавшаго до сихъ поръ только извѣстія о неудачахъ.—

Надѣюсь рассказать тебѣ лично всѣ подробности положенія оружія турецкою арміей; теперь же сообщу только, что подобный актъ весьма печаленъ для всякаго военнаго, и да избавитъ Богъ cadaго изъ насъ отъ той печальной участи, которая постигла турокъ. Нѣтъ словъ, чтобы описать ихъ ужасное состояніе: изнуренные, голодные и плохо одѣтые предстали они нашимъ глазамъ; нѣкоторые изъ нихъ не дошли даже до нашего лагеря, отстоящаго отъ Карса всего въ восьми верстахъ, и умерли на дорогѣ.—Не смотря на многочисленность плѣнныхъ, мы приняли ихъ по возможности гостепріимно и накормили. Изнуреніе иныхъ было такъ велико у нихъ, что нѣсколько человѣкъ, даже по принятіи пищи вскорѣ умирали.—Всѣмъ плѣннымъ отведенъ особый лагерь, за ними ухаживаютъ, сколько позволяютъ средства; не смотря однако на это, они умираютъ каждый день десятками.—Вообще положеніе ихъ ужасное. Сдача Карса повлекла за собой новыя, усиленныя занятія: отправленіе плѣнныхъ партіями въ Тифлисъ, отправленіе туда же главнокомандующаго и пашей, приведеніе въ извѣстность всѣхъ оставшихся запасовъ и оружія и наконецъ роспускъ войскъ на зимнія квартиры.—Я съ удовольствіемъ переносу всѣ эти труды, чтобы скорѣе попасть въ Александрополь.—Хотя штабъ дѣйствующаго корпуса и не распускается, но ни за что не останусь начальникомъ штаба и буду проситься въ отпускъ для поправленія здоровья.—Когда сравню мои отношенія къ князю Бебутову съ теперешними, то до слезъ дѣлается обидно за громадную разницу въ обхожденіи. Возьми хоть прошлый эпизодъ изъ моей боевой жизни: наканунѣ сраженія при Курюкъ-Дарѣ, лазутчики донесли мнѣ, что шестидесятитысячное турецкое войско, движется усиленнымъ маршемъ на насъ, съ намѣреніемъ напасть ночью врасплохъ на наши спящія

войска и уничтожить ихъ,—Я былъ того мнѣнія, чтобы предупредить вѣроятное нападеніе, но князю Бебутову было жаль тревожить переутомленныхъ солдатъ и онъ желалъ дожидаться утра.—Наконецъ послѣ нескончаемыхъ разговоровъ, убѣжденій съ моей стороны, (три раза я позволялъ себѣ будить его), онъ сдался на мои доводы и поднятыя мною войска тихо и безшумно пошли навстрѣчу непріятелю, съ которымъ встрѣтились на разсвѣтъ. Турки при этой неожиданности до того растерялись, что наша, какъ тебѣ уже извѣстно 18 т. армія, побѣдила блестяще шестидесятитысячную. Вообще насколько турки замѣчательно защищаются въ ложементяхъ, настолько они слабо дерутся въ открытомъ полѣ.—Благодаря тому что князь Бебутовъ своимъ обширнымъ умомъ всегда старался дѣйствовать въ пользу русскаго государства, русской арміи, не кичая своимъ положеніемъ, онъ внялъ голосу человѣка болѣе свѣдующаго въ этомъ дѣлѣ и мы одержали верхъ.—Встань же онъ на точку зрѣнія, что главному начальнику все извѣстно, что онъ непогрѣшимъ и т. д. неизвѣстно чѣмъ бы это все кончилось.—

Ну теперь навѣрное уже до скорого свиданія, милая Машинька, и не забывай своего

Александра.

P. S. Положимъ, что моя воркотня выходитъ не очень логична, такъ какъ мы взяли Карсъ, но теперь, будь я въ такомъ же положеніи какъ и тогда, не сталъ бы даже излагать своего мнѣнія, потому что этимъ нарвался бы только на сильныя непріятности.

2-го Декабря 1855. Владикарсъ.

Буду отвѣчать тебѣ, милый мой другъ на всѣ твои вопросы и начну съ того, что 30-го Ноября главнокомандующій выѣхалъ изъ отряда въ Тифлисъ, 4-го Декабря Браммеръ предполагаетъ переѣхать въ Александрополю, я же съ прибытіемъ въ этотъ городъ возьму свидѣтельство о болѣзни и буду проситься на отпускъ.—Ермолеенскій на штурмѣ Карса не былъ, потому что не могъ возвратиться изъ Петербурга къ 14-му Сентября. Гарднеръ здоровъ и невредимъ и находился въ день штурма въ колоннѣ графа Нирода, которая только угрожала Карсу, но ни принимала участія въ дѣйствительномъ бою.

Бригенъ командовалъ батальономъ въ Рязанскомъ полку, но немного прорвался за излишнее поклоненіе Бахусу, и представляется къ переводу въ другой полкъ.

Какъ только получу въ Александрополѣ отпускъ и сдамъ свои занятія замѣняющему меня генералъ майору Ольшевскому, на что потребуется дней десять, поѣду въ Тифлисъ, гдѣ пробуду короткое время и прямо къ вамъ. Жди меня въ послѣднихъ числахъ генваря, самое позднее начало февраля, и не вѣрится мнѣ, что на мою долю выпадаетъ наконецъ счастье вернуться въ свою семью.

Весь твой

Александръ.

Письма князя В. О. Бебутова *) къ А. А. Неверовскому.

Тифлисъ. 14 марта. 1855.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Происшествіе, случившееся со мной на третьей верстѣ отъ Александрополя, т. е. переломъ шкворня, вамъ уже извѣстно; въ тарантасѣ генерала Трегубова мы продолжали путь далѣе; переночевавъ въ Караклисъ на другой день въ Дилинджанѣ осмотрѣлъ квартирующія по дорогѣ роты саперъ, распекъ смотрителя Дилинджанскаго провіантскаго магазейна и поѣхалъ далѣе на ночлегъ къ станціи Агстафа; не доѣзжая Барусанской станціи, я встрѣтилъ линейный казачій полкъ, слѣ-

*) Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, происходящій изъ древняго грузинскаго рода, родился въ 1791 г., воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и по произведеніи въ офицеры въ 1809 году былъ отправленъ на службу въ Грузію, гдѣ состоялъ адъютантомъ при правителяхъ Тормасовѣ, маркизѣ Паулучи и Ермоловѣ. Въ чинѣ полковника въ 1815 г. назначенъ управлять Имеретіей. Въ персидскую войну 1828 г. выдержалъ въ Карсѣ десятидневную осаду 20000 войска, когда нашихъ было только нѣсколько сотъ и удачными вылазками заставилъ непріятеля отступить. Въ 1830—38 управлялъ образованною тогда Армянскою областью, четыре года служилъ вѣдѣ Кавказа, и произведенный въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ князя Воронцова намѣстникомъ въ 1843, воротился на родину и во время всѣхъ походовъ противъ непріятеля проявлялъ рѣдкую храбрость, отвагу. Въ 1850 г. сопровождалъ (за болѣзнь Воронцова) Государя въ путешествіи его по Кавказу. Въ 1855 получилъ въ командованіе корпусъ, дѣйствовавшій по турецкой границѣ. Въ томъ же году—побѣда его надъ турками при Башъ-Кадкыфѣ (20 Ноября) послѣ Синопа самое блистательное дѣло въ эту войну. Произведенный въ полные генералы въ 1856 г. Бебутовъ былъ уже пораженъ болѣзью (ракомъ въ желудкѣ), которая свела его въ могилу 10 марта 1858 г. Не задолго до кончины получилъ званіе члена Государственнаго Совѣта.

довавший къ вамъ, и осмотрѣвъ его, нашелъ лошадей въ хорошемъ видѣ, а людей бодрыхъ.—

Съ послѣдняго ночлега благополучно доѣхалъ до Тифлиса и встрѣтилъ у заставы жену и дочь, которыя вамъ кланяются, а первая благодаритъ васъ за вашу добрую объ ней память.—

На другой день, т. е. 11 числа, г. главнокомандующій изволилъ принять меня въ 11 часовъ утра и въ тотъ же день пригласилъ меня къ обѣду, хотя постному, но очень вкусному.—

Николай Николаевичъ Муравьевъ принялъ меня очень ласково и благосклонно, спрашивалъ о положеніи дѣлъ у турецкой границы, о войскахъ входящихъ въ составъ дѣйствующаго корпуса, о начальникѣ штаба онаго, т. е. о васъ, и проч., и заключилъ тѣмъ, что онъ имѣетъ многое кое о чемъ со мною переговорить.—Объяснивъ всѣ предметы, заключавшіеся въ вопросахъ Его Высокопревосходительства, а относительно васъ изложивъ чувства мои, къ достоинству и способностямъ вашимъ мною питаемымъ, я возвратился домой, чтобы принять гг. военныхъ, гражданскихъ и ратнаго вѣдомства чиновниковъ, и здѣшнихъ духовныхъ лицъ, и гражданъ, и пр., и пр.

Страхъ и трепеть, ощущаемыя здѣсь до пріѣзда г. главнокомандующаго мало по малу разсѣялись; вмѣсто какого то страшилища въ лицѣ его видятъ человека справедливаго, вполне понимающаго важную свою обязанность, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ правилами строгими, требующаго, чтобы всякій зналъ свое дѣло, исполняя долгъ свой добросовѣстно и честно.—

Вчера пріѣхалъ ко мнѣ полковникъ Лористовъ и привезъ мнѣ извѣстныя вамъ бумаги вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ, доставившемъ особенное удовольствіе мнѣ, васъ отъ души уважающему.—

Докладную записку о сформированіи куртинскихъ полковъ и рапортъ о дѣлахъ куртинцевъ, Лорисъ-Меликовымъ доставленный, мною представлены къ г. главнокомандующему, который при докладѣ тѣхъ бумагъ, вѣроятно, потребуетъ меня для личныхъ объясненій. Обстоятельства по предмету куртинскихъ дѣлъ, оставленныхъ вами въ резервѣ весьма основательны и душевно васъ благодарю за ваше постоянное благоразуміе и неустанные труды.—

О предметахъ, касающихся до военныхъ дѣлъ, г. главнокомандующій не говорилъ мнѣ по сіе время, оставляя оныя для объясненіи впоследствии, но о дѣлахъ гражданской администраціи два раза уже по четыре часа изволилъ бесѣдовать со мною и спрашивать у меня нѣкоторыя поясненія. Вамъ извѣстно, что по должности начальника гражданского управленія, каковое званіе ношу и до сихъ поръ, дѣла по этой части мнѣ извѣстны, а потому по мѣрѣ возможности объяснялъ обстоятельства и ходъ гражданскихъ дѣлъ.—Это самая трудная часть управленія на Кавказѣ и за Кавказомъ, и я всегда былъ такого мнѣнія, что гораздо легче воевать съ Шамилемъ и турками, нежели съ гражданскими приказными.—

Г. Романовскому поручилъ я отправить къ вамъ нѣкоторыя бумаги, по которымъ вы сдѣлаете распоряженіе.—

Особыхъ новостей здѣсь пока нѣтъ или я ихъ не знаю. Сейчас только простился со мною к. Григорій Дмитричъ Орбеліанъ, отправляясь съ Радецкимъ въ Т.-Х.-Шуру, онъ кланяется вамъ, при этомъ сообщилъ мнѣ пріятную новость, доставленную пріѣхавшимъ съ лѣваго фланга Кавк. лин. курьеромъ, что плѣнницы наши, княгиня Чавчавадзе и Орбеліанова съ дѣтьми вымѣняны на сына Шамиля съ придачею, какъ говорятъ 40 т. р. и дамъ этихъ ждутъ въ Т. Х. Шуру.—

Кн. Бяратинскаго и Индреніуса видѣлъ нѣсколько разъ, оба завалены дѣлами и справками.—

Г.-л. Ковалевскій и г.-м. Майдель до пріѣзда моего вытребованы были г. главнокомандующимъ и они теперь находятся здѣсь.—

Съ удовольствіемъ вспоминаю скромную нашу Александропольскую жизнь; здѣсь бурно и шумно; подъ вліяніемъ этихъ элементовъ пишу вамъ это несвязное письмо; не успѣваю окончить строку, чтобы не быть отторгнутымъ отъ письменнаго стола, пріѣздомъ того, другого и такихъ лицъ, въ пріемъ которымъ отказать нельзя.—

Люблю аккуратность въ частной перепискѣ, но если на сей разъ не вполне соблюдена мной таковая, то, повѣрьте, не отъ недостатка желанія; слѣдовательно имѣю право на снисхожденіе, а потому прошу передать поклонъ всѣмъ моимъ сослуживцамъ; а вашей хозяйкѣ въ

особенности, можетъ быть, эта послѣдняя коммисія вамъ будетъ пріятна. Генералу Трегубову мой поклонъ и благодарность за тарантасъ.—

Душевно вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

18 марта 1855 г. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

По полученіи рапорта о куртинцахъ, г. главнокомандующій долго говорилъ со мною относительно Родонаачальниковъ и общества ихъ и о Косумъ-Ханѣ, о которомъ кто-то, вѣроятно, фабрикантъ новостей, доложилъ Николаю Николаевичу, будто Косумъ-Ханъ бросилъ эполеты и бѣжалъ въ Турцію.

Его Высокопр-во, узнавъ изъ объясненія моего, что Косумъ-Ханъ не находился у насъ, а напротивъ, оставаясь въ Турціи, дѣйствовалъ въ пользу нашу, не предпринимая никакихъ противъ насъ непріятныхъ дѣйствій, что составляло главную цѣль моихъ съ Касумъ-Ханомъ сношеній, не говоря ничего, казалось думалъ о томъ, что эту нелѣбую штуку или новость выдумалъ какой нибудь добрый человѣкъ.—

О сборѣ куртинскихъ полковъ и мусульманскихъ равно и осетинъ, дѣлается уже распоряженіе и скоро получимъ увѣдомленіе.—

Ахметъ-Агу и Серченга, полагаю, въ отсутствіи моемъ бесполезно вызывать; но если пребываніе мое здѣсь замедлится, о чемъ рѣшительно сказать вамъ ничего не могу, ибо Николай Николаевичъ по сіе время не коснулся этого, то, согласно предположенію вашему и въ случаѣ необходимости, вызовите ихъ подъ предлогомъ сформированія Куртинскаго полка и займите ихъ до минованія надобности.

Не раздѣляя мысли полковника Хращатицкаго о занятіи Талыка(?) пѣхотою и казаками, я прошу васъ написать генералу Суслову и Назарову, дабы первый, какъ начальникъ войскъ, а послѣдній въ качествѣ военнаго губернатора приняли бы положительныя, но не полумѣры,— строго стеречь стада, отогнанныя къ Сардаръ-Акаду и Карасу до раз-

литія Арпачая и Аракса, послѣ чего куртины, если и имѣли бы намѣреніе перейти въ Турцію, поневолѣ отъ того откажутся.—

Объ измѣненіи распоряженія относительно линейныхъ казачьихъ полковъ, говорилъ мнѣ г. Чорба, котораго я встрѣтилъ около Дилинджана, и на дняхъ тоже самое объявить мнѣ изволилъ г. главнокомандующій присовокупивъ, что Его Высокопр-во желаетъ чтобы Кашковъ остался при Александропольскомъ отрядѣ, а мнѣ поручилъ отыскать ему мѣсто, соответственное его чину. Кашковъ вѣроятно уже выступилъ оттуда, я его увижу или здѣсь, или на дорогѣ, и вамъ, для свѣдѣнія между вами, сообщаю, что я полагалъ бы дать полковнику Чавчавадзе одинъ изъ мусульманскихъ полковъ, а Кашкова назначить бригаднымъ двухъ лин. каз. полковъ; другого мѣста я придумать не могъ.—

Въ Карсѣ, гдѣ еще бредятъ арабскими сказками, вѣроятно подъ этимъ вліяніемъ, выдумали *утку*, о новомъ Муширѣ, инкогнито гуляющимъ по городу; времена Гарунъ Аль-Рашидовъ, прошли; полупросвѣщенные паши, а можетъ быть подлецы Маджары подобными выдумками занимаютъ и войска и народъ, легко въ нихъ вѣрующіе.—

Въ иностранныхъ журналахъ помѣщены уже статьи о кончинѣ императора Николая I-го, Австрія и Пруссія оказываютъ большое сочувствіе къ горести, постигшей Россію, посмотримъ какой будетъ отголосокъ этому событію изъ Англіи и Франціи, и вообще какое вліяніе произведетъ въ Европѣ на политику кончина Государя.—

Кн. Бяратинскій и Индреніусъ сдѣлалися невидимками; послѣдняго вижу еще иногда, но первый такъ занятъ дѣлами, что доступна нѣтъ.—

Г. главнокомандующій обращаетъ вниманіе сверхъ другихъ предметовъ, въ особенности на денежные расходы; расходъ 27 т. черв. изъ куртинской суммы ужаснулъ его и когда объяснилъ я пользу этими расходами принесенную, тогда, хотя и успокоился, но сказалъ мнѣ, что въ Бозѣ почивающій Императоръ изволилъ выразиться такъ: „всякое сбереженіе суммъ я приму съ признательностью“; по этому сказалъ Николай Николаевичъ, намъ нужно сколько можно умѣрить расходы. „Кажется мы не расточительны, но долгъ нашъ по возможности беречь казну отъ тѣхъ алчныхъ вороновъ, нападающихъ на нее, какъ на трущъ, отвѣчалъ я Николай Николаевичу“.

Полковникъ К. Андронниковъ пишетъ мнѣ о необходимости переселить нѣкоторыя татарскія деревни, въ таковыя же къ Сѣверной сторонѣ лежащія Шурасальскаго Санджака въ сосѣдствѣ съ деревнею Охчи-Огла и прочихъ; и о прибавленіи жалованья ясауламъ, которые будто бы разошлись уже потому, что по дороговизнѣ не могли содержать себя и лошадей, назначеннымъ имъ жалованьемъ. Потребуйте къ себѣ кн. Андронникова, пускай всѣ обстоятельства объяснить вамъ по переселенію и, сообразивъ оныя, вы увидите есть ли возможность привести въ исполненіе переселеніе деревень и полезно ли будетъ. Тогда увѣдомьте меня, если это необходимо, и мы сдѣлаемъ надлежащее распоряженіе, что же касается о прибавкѣ денегъ, объявите кн. Андронникову приказаніе г. главнокомандующаго, изложенное въ этомъ моемъ письмѣ; слѣдовательно о деньгахъ ни гу-гу.—

Третьяго дня, по приказанію г. главн., всѣ военные генералы и начальники частей, равно и гражданскіе, въ нашей парадной формѣ, а послѣдніе въ мундирахъ, откланиваясь, простились съ генераломъ Реадомъ, который отправляется къ мѣсту своего новаго назначенія.

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

При семь посылаю вамъ двѣ пепельницы, работы тифлисской гранильной фабрики; приношеніе не дорогое, но отъ искренняго сердца.

20 Марта 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андревичъ!

Вчерашняго числа я писалъ вамъ между прочимъ, что мнѣ приказано было Николай Николаевичемъ явиться къ нему въ 7-мь часовъ вечера; пользуясь отходомъ почты сегодня, пишу вамъ о результатахъ вчерашней аудіенціи; Его Высокопр-во, обращаясь ко мнѣ съ разными вопросами, выразить изволили желаніе, чтобы я провелъ здѣсь праздники, если какія либо обстоятельства неожиданныя не потребуютъ моего присутствія въ Александрополѣ.—

Подобное предложеніе очень кстати для меня, потому что по сіе время не успѣлъ я распорядиться по моимъ домашнимъ дѣламъ, чтобы

успокоить мое семейство во время моего изъ Тифлиса отсутствія. Несмотря на желаніе мое быть съ вами и провести вмѣстѣ предстоящіе праздники Воскресенія Спаса нашего Иисуса Христа, я долженъ остаться здѣсь, можетъ быть, до 1-го Апрѣля, но, ежели, сверхъ ожиданія, по какимъ либо обстоятельствамъ, вы увидите, что присутствие мое въ Александрополь необходимо, то прошу васъ въ такомъ случаѣ увѣдомить меня немедленно съ нарочнымъ, а по важности дѣла и дубликатомъ.—

На вопросъ о сборѣ александропольскаго отряда буду ли я спрашивать разрѣшенія, я доложилъ, что, когда настанетъ удобное время, самъ сдѣлаю распоряженіе, чтобы стягивать войска и о томъ буду имѣть честь въ свое время донести Его Высокопр. съ представленіемъ маршрута, въ которомъ означено будетъ, какая часть, когда прибудетъ въ Александрополь.

Вамъ извѣстно, что по желанію ген.-м. Кишинскаго братъ, пѣх. к. Варшавскаго полка подпоручикъ, прикомандированъ былъ на время къ Гренадерскому полку; нынѣ ген.-м. Кишинскій, получивъ отчасти обличеніе, просить, чтобы по минованіи надобности, для какой цѣли прикомандированіе брата его состоялось, отправить подпоручика Кишинскаго въ Эриванскій отрядъ, къ батальону Варшавскаго полка, которому офицеръ этотъ принадлежитъ; объ этомъ прошу васъ сдѣлать распоряженіе.—

Препровождаю при семъ докладную записку вдовы княгини Шаликовой, о которой, сколько мнѣ помнится, есть у насъ въ штабѣ дѣло, и кажется вдова эта по стеченію романическихъ обстоятельствъ, не признается законною; если не ошибаюся, по просьбѣ вдовы Шаликовой и вы имѣли какую то переписку съ Миллеромъ, который, вѣроятно, по полученіи представленныхъ къ нему помянутою вдовою свидѣтельствъ, доставить мнѣ свой отзывъ, тогда я съ удовольствіемъ приму участіе въ этой вдовѣ и сдѣлаю, что только отъ меня зависѣть можетъ, во уваженіе памяти штабъ-офицера, павшаго на полѣ чести.—

Здѣсь сказали мнѣ, что въ интенданство доставлено много денегъ, часть которыхъ, вѣроятно, отправятъ въ полевое наше провіантское комиссіонерство, которое отъ подобнаго прилива будетъ въ состояніи удовлетворять полки и команды слѣдующимъ имъ содержаніемъ.

Если буду имѣть удовольствіе лично христосоваться съ вами, то, конечно, встрѣтилъ бы васъ съ краснымъ по обычаю яйцомъ; но такъ какъ удовольствіе это въ настоящемъ положеніи дѣла подлежитъ сомнѣнію, въ такомъ случаѣ посылаю вамъ два мраморныхъ, изъ которыхъ маленькое въ день праздника передайте Мотыльку, дочери Марказова, поцѣловавъ ее за меня, а если хотите и за себя также, при чемъ вы конечно воспользуетесь принятымъ въ эти праздники въ святой Руси христіанскимъ обрядомъ и расцѣлуете обыкновеннымъ образомъ и постарше Мотылька. Въ добрый часъ.

Желаю вамъ отъ искренняго сердца весело встрѣтить и проводить праздники предстоящіе, прошу не забывать того, который, находясь въ отлучкѣ и далеко отъ васъ, мысленно однако съ вами неразлученъ и желаетъ вамъ здоровья, оставаясь

всегда вамъ преданнымъ

Кн. В. Бебутовымъ.

Жена моя и дочка благодарятъ васъ за память, усердно вамъ кланяются.

22-го Марта 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

.

 прошу пойманнаго Сулейманомъ Джангиръ-Огла, куртина держать строго подъ арестомъ въ крѣпости; между тѣмъ нужно положительнымъ образомъ удостовѣриться, точно ли этотъ куртинъ принадлежитъ тѣмъ, кои постоянно живутъ при Косумъ-Ханѣ.—Объ этомъ приказаніи моемъ Лористонъ пишетъ Лалаеву, которому и вы подтвердите, чтобы собрано было о помянутомъ куртинѣ вѣрное свѣдѣніе.—

Отвѣтъ вашъ агенту нашему, отзывъ, дѣланный вами нащеть извѣстнаго Франка и содержаніе письма вашего Косумъ-Хану совершенно одобряю, какъ согласные съ обстоятельствами и приличные предмету.

.
 г. главнокомандующій желаетъ чтобы лишніе офицеры ни при комъ

не состояли и самъ строго держится этого правила. Николай Николаевичъ пожелалъ имѣть одного хорошаго унтеръ-офицера изъ новыхъ драгунскихъ полковъ для объѣзда лошадей; чтобы скорѣе исполнить волю Его Высокопр.—я написалъ письмо генераль-маіору Куколевскому, прося его немедленно прислать одного унтеръ-офицера, по искусной ѣздѣ и хорошему поведенію извѣстнаго.

Графъ Ниродъ независимо отъ официальнаго донесенія по возложенному на него порученію, прислалъ мнѣ при своемъ письмѣ записку по предмету пополненія въ драгунскомъ Его В. П. В. полку строевыхъ лошадей; изъ этой записки видно, что казна обязана пополнить полку 242 лошади; я очень благодаренъ графу Александру Евстафьевичу за исполненіе этого порученія и за пріятное извѣстіе о хорошемъ состояніи драгунскаго полка и батареи, расположенныхъ около Елисаветполя. Сдѣлайте одолженіе, передайте графу мое почтеніе и благодарность.

Между тѣмъ, вы вѣроятно уже заготовили донесеніе о томъ, которое пойдетъ своимъ порядкомъ; а здѣсь такъ заняты мы дѣлами, что развѣ по полученіи донесенія примутся за пополненіе лошадей. Жена моя и дочка благодарятъ васъ за добрую объ нихъ память и свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе

всегда вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

26 Марта 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

По мѣрѣ возрастанія у начальниковъ штаба охоты и расположе-нія писать, падаетъ, какъ видно, у командующаго корпусомъ дѣятельность по письменной части; въ первомъ случаѣ очень доволенъ и благодарю васъ за пространное письмо отъ 21-го Марта, чтеніе котораго служило мнѣ отдохновеніемъ; во второмъ же случаѣ прошу не прогнѣваться, если иногда лѣнюсь писать вамъ, впрочемъ, не отъ недостатка желанія.—

Присланныя вами бумаги получены исправно; рапортъ о Лорисѣ очень хорошо былъ написанъ и пущенъ въ ходъ; прочія бумаги возвращаются къ вамъ, изъ коихъ о разныхъ мельницахъ и о 49-ти лошадяхъ прошу васъ исполнить по сдѣланной на оныхъ мною отмѣткѣ,

но чтобы о помянутыхъ лошадяхъ не было въ моемъ донесеніи противорѣчія, я желалъ бы выразить упущеніе полковаго командира, по которому я не въ правѣ былъ выдать свидѣтельство, и это само упущеніе представить на благоуваженіе г. Главнокомандующаго, отъ власти котораго зависѣть будетъ и удовлетвореніе и разрѣшеніе этого вопроса.—

Отъѣздъ мой отсюда къ вамъ не обозначенъ еще, но такъ какъ г. Главнокомандующій между разговоромъ сказалъ мнѣ, что онъ намѣренъ ѣхать для осмотра Гурійскаго отряда, и поѣздка эта должна состояться въ скоромъ времени, то черезъ нѣсколько дней послѣ Пасхи я буду имѣть случай увѣдомить васъ о времени моего выѣзда.—

К. Андреевскій пускай не груститъ нацѣтъ того, что не смѣю добавлять денегъ, излишній расходъ которыхъ воспрещенъ подь смертною казнью. Вы очень хорошо сдѣлали, что Ахмедъ-Агу и Серченга увѣдомили предварительно о приготовленіи къ формированію куртинскаго полка; вопросъ этотъ разрѣшенъ, хотя еще официальной бумаги не имѣю.—

Генерала Бриммера я не засталъ здѣсь, онъ былъ командированъ въ Имеретію; вчера только возвратился Бриммеръ, съ которымъ переговорю о депо, состояніе коего, по словамъ Генерала Васмунда, не въ удовлетворительномъ положеніи.

Генераль Ольшевскій выѣхалъ на лѣвый флангъ Лезгинской линіи; Браневскому поручены резервные баталіоны, изъ коихъ два вчера вступили въ Тифлисъ.—

Романовскому поручено мною сообщать вамъ всѣ здѣшніе слухи о разныхъ предметахъ, которые скорѣе доходятъ до молодежи; я узнаю объ нихъ или очень поздно или никогда.—

Обнимая васъ и христосуясь съ вами заочно, я прошу, покорно, передать поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ Спаса нашего кн. А. И. Гагарину и всѣмъ моимъ добрымъ сотрудникамъ и товарищамъ съ которыми и умереть пріятно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу принять искреннее увѣреніе въ неизмѣнной моей къ вамъ преданности, съ которой пребуду

душевно Васъ почитающій

К. В. Бебутовъ.

Р. С. Подумайте о Соколовѣ и Жабѣ, которымъ Бюракъ-Дара текла по усамъ, а въ ротъ не попала. Передайте мой поклонъ Жабѣ.

Кн. В. Бебутовъ.

30 марта 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Послѣднее письмо ваше заключающее въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, я получилъ и съ удовольствіемъ узналъ изъ онаго, что особенно важныхъ происшествій не случилось у васъ. Касательно куртинскихъ стадъ вы очень хорошо распорядились; не доовѣрчивость къ Али-Агѣ, но настоящее положеніе куртинскихъ обществъ заставляютъ насъ принимать подобнаго рода мѣры, но къ Али-Агѣ, давшему мнѣ слово и присягнувшему въ присутствіи Эфендія и многихъ другихъ въ вѣрности нашему правительству, я имѣю довѣріе и надѣюсь, что онъ не измѣнитъ своему слову; эту мысль сообщите Эфендію и скажите ему, чтобы онъ написалъ Али-Агѣ.

.....

Отъѣздъ мой обозначенъ приказаніемъ г. главнокомандующаго, который отправляясь въ Гурійскій отрядъ 4-го числа Апрѣля, дозволилъ мнѣ также выѣхать 5-го или 6-го чиселъ.

Между тѣмъ наступаетъ время, въ которое нужно заняться стягиваніемъ войскъ, но неизвѣстно какая стоитъ погода около Александрополя и вообще есть ли надежда на появленіе въ скоромъ времени весны; а здѣсь почти лѣто: по пріѣздѣ моемъ мы займемся этимъ предметомъ, т. е. сосредоточеніемъ войскъ по мѣрѣ погоды для пѣхоты и для кавалеріи, соображаясь съ подножнымъ кормомъ.—

При свиданіи у меня много кое о чемъ съ вами поговорить, а потому заключаю мое письмо желаніемъ вамъ здравія.

Жена и Сонечка кланяются вамъ, поздравляя васъ съ наступающимъ праздникомъ.

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

6-ть часовъ утра 5 Апрѣля 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Часа черезъ два г. главнокомандующій уѣзжаетъ въ Гурію для осмотра тамошняго отряда и обзора края; отсутствіе это продолжится дней 15-ть и послѣ возвратившись въ Тифлисъ, мы будемъ имѣть удовольствие видѣть его среди насъ въ Александрополѣ.—

Сейчасъ ѣду въ полной парадной формѣ откланиваться у Его Высокопр-ва. 9-го числа этого мѣсяца я также выѣзжаю къ вамъ по маршруту, который представитъ вамъ г. Романовскій и по которому прошу васъ приказать приготовить намъ лошадей отъ Караклика, ибо изъ Джалиль-Аглу до той деревни довезетъ насъ полковникъ Десаже.—

Въ одно время въ Александрополь и Лористонъ, хотя выѣзжаетъ онъ изъ Тифлиса днемъ позже.—

До свиданія, почтеннѣйшій А. А., желаю вамъ здоровья.

Преданный вамъ слуга

Кн. В. Бебутовъ.

P. S. Письмо это отправлено будетъ съ нарочнымъ казакомъ уже послѣ выѣзда г. Главнокомандующаго изъ Тифлиса.—

Кн. Бебутовъ.

30 Мая 1855 г. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Сего Мая 29 числа благополучно добрался до Тифлиса и, пользуясь отправленіемъ курьера, пишу вамъ нѣсколько словъ, чтобы уведомить васъ о счастливомъ совершеніи моего скромнаго путешествія и о томъ, что я нашелъ здоровыми жену и дочь мою, которыя вамъ кланяются,—

Препровождаю къ вамъ письмо куртинскаго старшины Ахмедъ-Аги-Сулейманъ-Ага-Оглы, прикажите прочесть или перевести оное и ежели содержаніе сего письма заслуживаетъ вниманія, то доведите о томъ до свѣдѣнія командующаго корпусомъ, а въ случаѣ надобности пусть Лористонъ доложить и г. главнокомандующему; ежели же письмо это ничего особеннаго въ себѣ не заключаетъ, то положите подъ сукно или разорвите.

Поклонитесь Осипу Ивановичу и всѣмъ моимъ вообще бывшимъ товарищамъ и сотрудникамъ, а вы вѣрьте чувствамъ всегдашней моей къ вамъ преданности.—

Кн. В. Бебутовъ.—

Храбрый Александропольскій отрядъ, любезный Александръ Андреевичъ, давно ожидалъ изъ Севастополя радостныхъ вѣстей, чтобы грянуть пушками и прокричать молодцамъ защитникамъ Севастополя громкое ура! Вотъ адъютантъ кн. Горчакова привезетъ вамъ вождельнную вѣсть; союзники повели рѣшительный штурмъ, они отбиты, осрамлены; день штурма былъ днемъ Ватерлоо; сорокъ лѣтъ тому назадъ англичане въ этотъ самый день побѣдили французовъ и Ролланъ лишился тамъ руки, теперь въ этотъ же день англичане и французы вмѣстѣ побиты русскими.

Лорисъ-Меликовъ вѣроятно поспѣшитъ дать знать объ этомъ Муширу въ Карсъ, если тамъ не получили еще свѣдѣнія.

Желаю вамъ здоровья и остаюсь

преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

11 Юня 1855.

Мой поклонъ всѣмъ кто вспомнитъ меня.

Кн. Бебутовъ.

24 Іюня 1885. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Съ удовольствіемъ узналъ я о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Саганлутскій хребетъ, и имѣю душевное желаніе, чтобы движеніе это увѣнчалось успѣхомъ блистательнымъ.—

Посмотримъ какое распоряженіе сдѣлаеть Джонъ Буль Вильямсъ, узнавъ о движеніи главнокомандующаго къ Саганлуту, останется съ арміею запертымъ въ Карсъ или выползеть оттуда въ открытое поле для боя?

О взятіи въ плѣнъ Башоль-Паши я имѣлъ за нѣсколько дней изъ Эриванскаго отряда извѣстіе до полученія отъ Николая Николаевича официальнаго свѣдѣнія; мнѣ пишутъ что маіоръ Джафаръ-Ага съ 1-мъ куртинскимъ полкомъ преслѣдовалъ турецкую кавалерію до монастыря Сурбъ-Оганезъ и взялъ сказаннаго Пашу, раненаго пикою; надобно знать, что этотъ Башоль-Паша до заключенія мира жилъ въ Тифлисъ, гдѣ я познакомился съ нимъ, и когда я управлялъ бывшею Армянскою областью, мы были какъ добрые сосѣди въ дружескихъ отношеніяхъ; нужно еще знать, что этотъ же Башоль-Паша попалъ въ плѣнъ 1828 году при взятіи Баязета генераломъ кн. Чавчавадзе.—Теперешнее взятіе его въ плѣнъ куртинскими войсками заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо Башоль-Паша происходя изъ знатной фамиліи куртинскаго племени и будучи наслѣдственнымъ владѣтелемъ Баязетскаго Пашалыка, пользовался особеннымъ вліяніемъ надъ куртами, которые, въ томъ числѣ и важные родоначальники, цѣловали его руки.—Впослѣдствіи турки лишили его наслѣдственнаго достоянія и, какъ вамъ уже извѣстно, онъ жилъ въ одной отдаленной деревнѣ въ самой бѣдности. Турки вызвали его вѣроятно въ предположеніи что въ Баязетскомъ Пашалыкѣ онъ будетъ имъ полезенъ; но видно суждено ему быть русскимъ плѣннымъ.—Полагаю, что Башоль-Пашу пришлютъ сюда, котораго встрѣчу какъ стараго знакомаго.—

Мнѣ пріятно было всегда поболтать съ вами и на сей разъ, найдя свободную минуту, впрочемъ это около 11 часовъ пополудни, не удержался отъ многоглаголанія.

У меня много очень дѣлъ и заботъ: время, которое я проводилъ занимаясь съ вами по службѣ, въ сравненіи съ настоящимъ моимъ положеніемъ показалось бы совершеннымъ отдохновеніемъ.—

Прошу покорно передать мой поклонъ Э. В. Бриммеру и Бравскому, съ которымъ вы, вѣроятно, живете врозь, но, конечно, иногда встрѣчаетесь. Всѣмъ моимъ товарищамъ и бывшимъ сотрудникамъ низехонько кланяюсь и всѣмъ желаю здравія.—

Прилагаемое при семъ письмо прошу васъ приказать доставить по адресу и вѣрить всегдашней моей къ вамъ преданности и уваженію.

Весь вашъ

В. Бебутовъ.

13 Іюля 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

За письмо ваше отъ 3-го сего мѣсяца премного благодарю васъ.

Изъ письма ген. Врашевскаго къ Индреніусу знаю, что вы поправились здоровьемъ, чему душевно радуюсь.—

Пользуясь отъѣздомъ отсюда въ отрядъ полковника Корсакова, котораго просилъ передать вамъ письмо это, я обращаюсь къ вамъ съ просьбою приказать сдѣлать справку о подпоручикѣ Аткинсонѣ, служащемъ въ кавк. стрѣлк. баталіонѣ, и ежели онъ живъ и здоровъ, то поручить его вниманію и покровительству полковника Лузанова о послѣдующемъ же меня увѣдомить; объ этомъ офицерѣ пишутъ мнѣ изъ Варшавы; но такъ какъ теперь я сошелъ уже со сцены, на которой могъ бы быть полезнымъ въ подобныхъ случаяхъ, то прошу васъ помочь мнѣ въ этомъ, хотя доставленіемъ о помянутомъ Аткинсонѣ, какого либо свѣденія, по полученіи котораго я могъ-бы сообщить *Madame Andro*, интересующейся объ немъ; вы знаете что я имѣю привычку не только исполнять просьбы дамъ, но даже предупреждать ихъ.

Жара нестерпимая здѣсь; хлопотъ много.

Желаю Вамъ быть здоровымъ, жена и дочь моя благодарятъ васъ за память и взаимно кланяются.

Кн. В. Бебутовъ.

21 Июля 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Пользуясь отъѣздомъ нашего генераль-аудитора съ дѣлами къ г-ну главнокомандующему, я пишу вамъ нѣсколько словъ, чтобы извѣстить васъ о весьма плохомъ моемъ положеніи, происходящемъ отъ нестерпимой жары, въ настоящее время здѣсь существующей; сей-часъ былъ у меня генераль Ганзенъ, который говорилъ мнѣ, что въ лагерь у васъ очень прохладно, а по вечерамъ даже холодно; завидую вамъ, вспоминая прошедшее время, когда и я пользовался прохладою лагерной жизни.

Прошу васъ покорно прилагаемое письмо приказать передать командиру куртинскаго полка Ахмедъ-Агею, которому желаю взять въ плѣнь Вильямсъ-Пашу, какъ это сдѣлалъ Джафаръ-Ага захвативъ Башоль-Пашу, нынѣ въ Тифлисъ находящагося.

При случаѣ, когда вы будете имѣть свободную минуту писать мнѣ о своемъ здоровьи, сообщите мнѣ, что сдѣлалось съ Романовскимъ и гдѣ онъ теперь находится; о немъ въ Тифлисъ разнеслись непріятные слухи; не изъ любопытства я хочу это знать, но отъ того что въ Романовскомъ принимаю живое участіе и люблю его.

Жена и дочь свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе, а я желаю вамъ здоровья

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

22-го Июля 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Вчера писалъ вамъ, а сегодня дѣлаю то же; припишите ли это тому, что у меня много свободнаго времени или желанію бесѣдовать съ вами, я рѣшить не могу, но скажу вамъ что когда отправляется отсюда къ вамъ курьеръ, у меня одна мысль только,—уловить минуту писать къ вамъ,

Подъ вліяніемъ этой мысли пишу вамъ нѣсколько словъ, чтобы возбудить въ васъ ту бодрость духа которая всегда обладала вами при различныхъ переворотахъ.

Дѣятельно-усердная служба ваша, весьма хорошо извѣстна мнѣ, не можетъ быть не оцѣнена справедливѣйшимъ и благороднѣйшимъ начальникомъ; это испыталъ я на опытѣ въ продолженіи 46-ти лѣтней моей службы; а потому нужно имѣть терпѣніе, идти прямымъ путемъ, по которому всегда слѣдовали, и, повѣрьте мнѣ, интриги распадутся въ прахъ, а истина и усердная служба Царю и Отечеству восторжествуютъ.

Справедливость вышеизложенныхъ словъ, вамъ, какъ благо разумному человѣку, хорошо извѣстна, и я не рѣшился бы изложить эти слова въ письмѣ ежели не дружба и привязанность къ вамъ не давали бы мнѣ на то нѣкотораго права, и ежели бы, къ сожалѣнію моему, я не получилъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ случившихся съ вами непріятностяхъ, которыя впрочемъ могутъ быть и неосновательны, чему я буду душевно радоваться.

Надѣюсь что письмо это вы примите за повтореніе увѣренія моей къ вамъ дружбы какъ бывшему моему сотруднику и дѣятельному помощнику на полѣ брани, къ которому питалъ всегда особенное уваженіе и питать буду

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

Не знаю, любезный Александръ Андреевичъ, скоро ли дойдетъ до васъ это письмо, но все таки пишу вамъ съ комисіонеромъ Каргоновымъ, который, побывъ въ Тифлисѣ нѣсколько дней, возвращается опять въ отрядъ.

Генераль Бриммеръ съ своимъ штабомъ и частию войскъ, кажется остался около Карса, по выступленію г. главнокомандующаго за Саганижъ; теперь у васъ можетъ быть отыщется нѣсколько свободныхъ минутъ, которыми воспользовавшись, прошу васъ прислать мнѣ свѣдѣніе, какія именно части войскъ т. е. пѣхоты, артиллеріи, кавалеріи и милиціи, пошли въ составъ колонны, выступившей съ главнокомандующимъ и какія остались съ генераломъ Бриммеромъ около Карса.— Вы конечно имѣете уже сообщеніе съ генераломъ Базинымъ.

У насъ пока благополучно, но къ сожалѣнiю холера, обнаружившаяся въ Черноморiи появилась и на Кавказской линiи около Ставрополя; Богъ знаетъ, доберется ли къ намъ она въ настоящемъ году? Этого только не доставало.—Шамиль ничего еще не предпринималъ. Изъ Севастополя нѣтъ особыхъ вѣстей, кромѣ тѣхъ, кои печатаются въ газетахъ.

Въ Тифлисѣ нѣсколько уже дней какъ стало прохладно; и мы нѣсколько отдохнули, а то приходилось слишкомъ плохо отъ душливой духоты знойныхъ дней.—Прошу васъ передать мой поклонъ Эдуарду Владимiровичу и принять увѣренiе въ постоянномъ моемъ къ вамъ уваженiи.

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

Тифлисъ, 26 Юля 1855.

Тифлисъ, 1-го Августа 1855.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Извѣстiе о смерти Тальгрена и о отнятiи ноги у генерала Куколевскаго огорчило меня до чрезвычайности, тѣмъ болѣе что потеря эта понесена нами на фуражировкѣ, которая подъ выстрѣлами крѣпостными, если не была совсѣмъ неудачна, то по крайней мѣрѣ, конечно, была весьма скудной.—Жаль мнѣ очень Куколевскаго и Тальгрена.—Сдѣлайте одолженiе, прикажите передать прилагаемое письмо Осипу Михайловичу Куколевскому и если вы найдете свободную минуту, увѣдомьте меня о состоянiи его здоровья.

Прощайте, будьте здоровы и благополучны; сего желаетъ вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

При письмѣ вашемъ отъ 20-го Августа имѣлъ я удовольствiе получить нѣкоторыя свѣдѣнiя, о которыхъ я васъ просилъ предъ отъѣздомъ моимъ изъ Александрополя.

Вы, конечно, помните слова мои, при порученіи вамъ того труда, именно, чтобы эти свѣдѣнія приготовлялись исподволь, имѣя въ виду огромныя занятія чиновниковъ въ ввѣренномъ вамъ штабѣ; не смотря на это, вы превзошли предѣлы моего ожиданія, приславши мнѣ огромную тетрадь, писанную собственно вашею рукою; сколько приятно мнѣ имѣть трудъ этотъ, совершенный вами собственноручно, столько же удивительно мнѣ когда и какъ находили вы свободное время заняться работою меня одного только интересоватъ могущею; зная однако хорошо вашу дѣятельность и трудолюбіе, можетъ быть не совсѣмъ достойно оцѣненныя, удивленіе мое обращается въ чувство искренней моей благодарности и рукопись ваша служить будетъ памятникомъ пріятнѣйшаго для меня воспоминанія, дружескаго вашего ко мнѣ отношенія, въ продолженіи котораго и на будущее время нисколько не сомнѣваюсь. —

Благодаря Бога, у насъ пока благополучно и спокойно на всѣхъ пунктахъ; на Кавказской линіи появилась холера и у насъ въ Тифлисѣ было также нѣсколько случаевъ, но кажется тѣмъ и кончится, ибо вотъ уже четвертый день подобные казусы не возобновлялись.

Примите на себя трудъ поблагодарить генераловъ Трегубова и Фетисова за добрую обо мнѣ память и передайте имъ усердный мой поклонъ, равно всѣмъ, кто обо мнѣ вспомнитъ, присовокупивъ что служба моя съ вами будетъ пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ въ моей жизни.

Сдѣлайте одолженіе при случаѣ увѣдомьте меня гдѣ теперь находится князь Андронниковъ, о которомъ разнесся слухъ прежде, что онъ тяжело боленъ, потомъ молва зловѣщая, похоронившая его; жена его давно не получала отъ него писемъ и часто спрашиваетъ меня объ немъ; не имѣя никакого свѣдѣнія о мѣстѣ нахождения его, иногда шутя говорю княгинѣ Андронниковой, что мужъ ея въ плѣну у турокъ и что онъ тамъ женился.

Теперь вамъ сообщу о другомъ предметѣ.

Вамъ извѣстно что по просьбѣ Соколова я взялъ къ себѣ Свѣчина, котораго характеръ хотя отчасти извѣстенъ былъ мнѣ, однако полагалъ что онъ будетъ вести себя прилично; я жестоко ошибся въ Свѣчинѣ, который сверхъ дерзкихъ свойствъ обнаружилъ въ себѣ и поведеніе развратное, поощряемое въ немъ достойнымъ его менторомъ;

подобныхъ свойствъ офицера я не могъ имѣть при себѣ и приказалъ отправить его въ полкъ, онъ рапортовался больнымъ и, болѣе мѣсяца считаясь таковымъ, таскался всюду, отзываясь обо мнѣ оскорбительно, что поддерживалъ и Е. Соколовъ, его наставникъ. Эти оба лица такъ ничтожны, что я за стыдъ себѣ буду считать если обращу на нихъ вниманіе, ибо болтать могутъ сколько имъ угодно, но я прошу васъ исполнить слѣдующую мою просьбу: предупредите генерала Танутрова и графа Нирода, что Свѣчинъ удаленъ отъ меня за дурное поведеніе и что человѣкъ онъ неблагонадежный и неблаговоспитанный; а Павлу Николаевичу Браневскому скажите отъ меня, что я приказалъ его отправить курьеромъ не изъ особой къ нему довѣренности, а потому чтобы соблюсти казенный интересъ, ибо во всякомъ случаѣ Свѣчину слѣдовало выдать прогоны; обстоятельство это тѣмъ болѣе нахожу нужнымъ сообщить Павлу Николаевичу, что Николай Николаевичъ Муравьевъ, зная о состояніи при мнѣ Свѣчина, можетъ быть изволить спросить о томъ полагая, что я предоставилъ ему эту честь изъ особеннаго къ Свѣчину уваженія, какового онъ не стоитъ.

Послѣ очень холодныхъ дней въ послѣднихъ числахъ Августа, теперь погода стала теплая, но у васъ, я полагаю, чѣмъ дальше тѣмъ холоднѣе.

Желаю вамъ успѣховъ; съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ радостныхъ вѣстей.

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

2-го Сентября 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Приключившаяся мнѣ нѣсколько дней тому назадъ болѣзнь, отъ которой я, благодаря Бога, избавился, не прекращая, однако, служебныхъ занятій, лишала меня удовольствія благодарить васъ за трудъ, принятый вами по случаю присылки бумагъ, собственноручно вами писанныхъ, которыя останутся у меня пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ совмѣстнаго моего съ вами служенія.

Севастопольскія событія вамъ уже извѣстны, о высадкѣ Омара-Паши въ Батумъ съ огромнымъ, какъ говорятъ, десантомъ, вы имѣете свѣдѣніе

вѣрнѣе тѣхъ, кои я получаю; въ Дагестанѣ по сіе время и на лезгинской линіи особенно важнаго ничего не происходило; со стороны Батума турки остаются въ бездѣйствіи и противъ Гурійскаго отряда ничего не предпринимають.

У насъ было нѣсколько холерныхъ случаевъ въ Тифлисѣ, но къ счастью болѣзнь эта не только не развивается, но напротивъ исчезаетъ; нѣкоторые лишились жизни отъ страха, воображая въ себѣ холеру, въ томъ числѣ и генераль Реуттъ, признавшійся въ этомъ медикамъ.

Вотъ обзоръ нашихъ новостей.

Политическія же событія около меня заключаются въ неблагодарности чиновника особыхъ при мнѣ порученій г. Соколова, который съ тѣхъ поръ, какъ я удалилъ отъ себѣ распутнаго Свѣчина, ко мнѣ не ходилъ уже, а таскаясь всюду съ Свѣчинымъ, пока сей оставался по мнимои болѣзни въ Тифлисѣ, имѣлъ единственное удовольствіе бранить меня вездѣ, уклоняясь отъ благопристойности и приличія, въ чемъ находилъ свое служебное занятіе; вышедъ изъ терпѣнія я призвалъ Соколова къ себѣ, замѣтилъ ему несообразные его поступки и разумѣется сказать ему не лестныя слова; онъ ушелъ отъ меня и на другой день подалъ рапортъ, которымъ просится въ южную армію съ переименованіемъ въ медики военнаго вѣдомства,—съ моей стороны, конечно, препятствія не будетъ исполнить его желаніе, но онъ всегда останется въ мнѣніи моемъ человѣкомъ неблагодарнымъ, испорченнаго характера и злымъ.

Это я пишу вамъ потому, что вы сочувствуете мнѣ и будете сожалѣть вмѣстѣ со мною, что я у груди своей отогрѣвалъ змѣю, и эта змѣя по моему представленію получила орденъ св. Анны 2-ой Ст., о чемъ есть по послѣдней почтѣ увѣдомленіе.

Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ свое усердное почтеніе. Прошу передать мой поклонъ Эдуарду Владимировичу.

Сейчасъ пріѣхалъ флигель-адъютантъ Чертковъ, который рано утромъ завтрашняго числа отправляется къ г. главнокомандующему.

Прилагаемое при семь письмо на имя Драгунскаго Е. К. В. П. П. Виртембергскаго полка маіора Орлова, прошу приказать доставить по адресу.

Осень начинается и зная климатъ той страны гдѣ вы находитесь, сожалѣю что приходится вамъ стоять въ палаткахъ, полагаю не только ночью, но и днемъ достаточно холодно. Желая вамъ здравія, терпѣнія и успѣшнаго окончанія вашего дѣла, что было бы пріятно и утѣшительно при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Генералу Бралевскому мой дружескій поклонъ.

Преданный вамъ Кн. В. Бебутовъ.

19 Сентября 1855. Тифлисъ.

8-го Октября 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Къ настоящимъ моимъ служебнымъ занятіямъ прибавились еще новыя заботы возиться съ высокопоставленнымъ персидскимъ посломъ, нынѣ здѣсь пребывающимъ, и слушая безпрестанно разныя учтивости, приправленныя восточными фразами отвѣчать тѣми же выраженіями, т. е. говорить много и ничего не сказать; мнѣ помнится, когда то говорилъ я вамъ о письмѣ моемъ къ одному изъ персидскихъ вельможъ, въ которомъ ничего не было упущено кромѣ смысла; вельможа былъ очень доволенъ и я также; вотъ въ такомъ то положеніи нахожусь при персидскомъ послѣ и онъ въ восхищеніи.

Послѣ этого вы можете догадаться что теперь у меня еще менѣе времени къ отдыху, но чтобы писать вамъ всегда нахожу нѣсколько свободныхъ минутъ, которыми пользуясь, благодарю васъ за послѣднее ваше письмо ко мнѣ изъ котораго узналъ я, что, благодаря Бога, вы живы и здоровы послѣ 14-го числа.

Объ васъ ни слова не было; желательно мнѣ знать гдѣ вы находились въ тотъ день или не были ли вы больны, какъ о томъ носился здѣсь слухъ: мнѣ говорили также, что болѣзнь препятствуетъ вамъ исполнять должность вами занимаемую, а между тѣмъ изъ письма почтеннаго Осипа Ивановича Хадзько видно, что вы здоровы. Мой поклонъ ему.

О Свѣчинѣ не стоитъ говорить, но меня огорчаетъ поступокъ Соколова, оплатившаго мнѣ самой неслыханной неблагодарностью. Получивъ отъ Высочайшихъ щедротъ орд. св. Анны 2-й ст., Соколовъ пришелъ ко мнѣ и я не успѣлъ его поздравить, какъ онъ вышелъ изъ залы, и я съ нимъ не встрѣчаюсь; вѣроятно ему это очень пріятно, ибо онъ находитъ удовольствіе бранить меня вездѣ, гдѣ ему сочувствуютъ, а я не обращаю на то вниманія, имѣя въ виду списки какого то нашего стихоплета

„Невѣжа хулою мнѣ чести не убавить
И то не честь когда невѣжа хвалитъ“.

. (прзб.)

Богъ да подкрѣпитъ васъ терпѣніемъ въ настоящемъ вашемъ состояніи здоровья.

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

Сообщ. Баронесса Е. Клейсть.

